

ЛОМГ
ДАФНИСХЛОЯ

Annotation

Исследователи древнегреческих рукописей не могут с уверенностью сказать, кто же автор данного произведения. В одной надписи с острова Лесбос — а этот остров и является местом действия повести — упоминается имя некоего жреца Лонга, вот почему литературная традиция сохраняет за автором повести это латинское имя, хотя повесть написана по-гречески. Столь же мало определенного можно сказать о времени написания «Дафниса и Хлои».

Повесть «Дафнис и Хлоя» в истории литературы принято называть «буколическим романом» или «романом-идиллией».

Главная линия повествования — развитие любовных переживаний, зарождающихся у обоих героев еще почти в детском возрасте.

-
- [Лонг](#)
 -
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
 - [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
-

Лонг

Дафнис и Хлоя

Повесть Лонга имела более счастливую судьбу, чем многие произведения античной литературы, — она сохранилась полностью в нескольких списках, хранящихся в библиотеках Флоренции и Рима. В средние века она была забыта, но эпоха Возрождения высоко оценила ее, а образцовый перевод на французский язык, выполненный известным филологом и переводчиком Жаком Амио, сразу сделал ее знаменитой; бесчисленные пасторали, наводнившие европейскую литературу на всех языках в XVII и XVIII веках, более тесно примыкали именно к повести Лонга и к буколикам Вергилия, чем к их прототипу — Феокриту. Имена Дафниса и Хлои стали классическими именами пасторали, повторяющимися бесконечное число раз.

Высокую оценку повести Лонга дал Гете (см. И. П. Эккерман, Разговоры с Гете; записи от 9 и 20 марта 1831 года). «Все это произведение, — сказал Гете, — говорит о высочайшем искусстве и культуре... Надо бы написать целую книгу, чтобы полностью оценить по достоинству все преимущества его. Его полезно читать каждый год, чтобы учиться у него и каждый раз заново чувствовать его красоту».

Перевод «Дафниса и Хлои», сделанный профессором С. П. Кондратьевым по изданию 1856 года, сверен с подлинником по изданию 1934 года и заново отредактирован (для изданий 1958 и 1964 годов; издательство «Художественная литература»).

Примечания — М. Грабарь-Пассек.

ВВЕДЕНИЕ

На Лесбосе^[1] охотясь, в роще, нимфам^[2] посвященной, зрелище чудесное я увидел, прекраснее всего, что когда-либо видал, картину живописную, повесть о любви. Прекрасна была та роща, деревьями богата, цветами и текучею водой; один родник все деревья и цветы питал. Но еще больше взор радовала картина; являлась она искусства дивным творением, любви изображеньем; так что множество людей, даже чужестранцев, приходили сюда, привлеченные слухом о ней; нимфам они молились, картиной любовались. А на ней можно было вот что увидеть: женщины одни детей рождают, другие их пеленами украшают; дети покинутые, овцы и козы-кормилицы, пастухи-воспитатели, юноша и дева влюбленные, пиратов нападение, врагов вторжение. Много и другого увидел я, и все проникнуто было любовью; и мной, восхищенным, овладело стремление, с картиной соревнуясь, повесть написать. И, найдя того, кто картину ту мне истолковать сумел, я, много потрудившись, четыре книги написал, в дар Эроту^[3], нимфам и Пану^[4], а всем людям на радость: болящему они на исцеленье, печальному на утешенье, тому, кто любил, напомнят о любви, а кто не любил, того любить научат. Ведь никто любви не избежал и не избегнет, пока есть красота и глаза, чтобы ее видеть. А мне пусть бог даст, разум сохраняя, любовь чужую описать.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Город на Лесбосе есть — Митилена^[5], большой и красивый. Прорезан каналами он, — в них тихо вливается море, — и мостами украшен из белого гладкого камня. Можно подумать, что видишь не город, а остров.

От города этого, стадиях так в двухстах^[6], находилось поместье одного богача; чудесное было именье: зверь в горах, хлеба на полях, лоза на холмах, стада на лугах, и море, на берег набегая, плескалось на мягком песке.

2. Вот в этом-то поместье был козопас по имени Ламон; пася свое стадо, нашел он ребенка, одна из коз его кормила. Была там рядом чаща лесная, густо по низу терном заросшая, и повсюду вился плющ, и нежная росла трава, а на ней лежал ребенок. Сюда постоянно коза ходила, часто из глаз исчезая, и, своего покидая козленка, долгое время с ребенком она оставалась. Подметил Ламон, что она убегает, и пожалел он козленка брошенного; в самый полдень пошел он за ней по следам и видит: коза осторожно переступает, боясь своими копытами ребенку вред причинить, а он, будто пред ним материнская грудь, тянет молоко, обильным потоком струящееся. Дивится, конечно, пастух, ближе подходит и мальчика находит, крупного, красивого и в убранстве, для подкидыша чересчур богатом: покрывало пурпурное, застежка золотая, ножичек с рукояткой из кости слоновой.

3. И сперва задумал было Ламон взять с собой одни только эти приметные знаки ребенка, его ж самого здесь покинуть; но затем устыдился, что козы он даже безжалостней, и, дождавшись ночи, приносит жене своей Миртале и приметные знаки, и ребенка, да и козу приводит. Она изумляется: неужели козы стали рождать детей? И рассказывает он ей все по порядку, как нашел его брошенным, как увидел козой его вскормленным и как стало стыдно ему покинуть ребенка на верную смерть. И она согласилась, что правильно он поступил. Затем они вещи, что были оставлены при ребенке, прячут, ребенка своим признают, кормленье его козе поручают. А чтобы имя у

мальчика было таким, какое у пастухов в обычае, они его Дафнисом^[7] назвать решили.

4. Уже с тех пор прошло два года, и вот с пастухом по имени Дриас, пасшим стада на соседних лугах, то же самое случилось, на такую же находку он попал, такое же диво увидел. Была там пещера нимф в скале огромной, внутри пустой, снаружи закругленной, самих же нимф изображенья из камня высечены были: ноги босые, руки нагие, кудри вились по плечам, пояс на бедрах, в глазах улыбка, как будто они в хороводе пляшут. Вход в пещеру как раз посредине громадной скалы лежал; бил тут и ключ, ручей текущий образуя; перед пещерой свежий луг простирался, и на нем, влагою питаясь, густая, нежная трава росла. Лежали тут и подойники^[8], и флейты кривые, и свирели, и тростник — обетные дары от пастухов времен минувших.

5. И в эту пещеру нимф одна овца, недавно принесшая ягненка, стала так часто ходить, что не раз думали, будто пропала она совсем. Желая ее наказать и снова слушаться заставить, свил Дриас из прутьев зеленых веревку, скрутил петлю и пошел к скале, чтоб овцу там поймать. Подойдя, увидал он вовсе не то, что ожидал: овца, как нежная мать, подставляет соски с молоком, текущим обильно, а ребенок без плача жадно хватает то за один, то за другой сосок ротиком своим — чистым и свежим, так как овца языком ему очищает лицо, когда он насытится. Девочкой было это дитя, и также лежали с ней рядом приметные знаки: головная повязка с шитьем золотым, золоченые туфельки, браслеты чистого золота.

6. Сочтя, что богами ему послана эта находка, и овцой наученный жалости к ребенку и любовному с ним обращению, он на руки младенца поднимает, в свою суму приметные знаки кладет и молится нимфам, чтоб дали ему счастливо вскормить малютку, себя вручившую их покровительству. И когда пришло время гнать стадо домой, возвращается он в свой двор и жене своей о том, что видел, рассказывает, то, что нашел, показывает, а ей приказывает девочку своей дочкой считать, тайну ее ото всех скрывать, как родное дитя воспитывать. И тотчас Напа (так звали Дриаса жену) матерью стала

ребенку, стала его ласкать и любить, как бы боясь в нежности овце уступить. А чтоб все поверили, что это ее дочка, она тоже обычное имя пастушеское ей дает, Хлоей^[9] ее назвав.

7. Оба эти ребенка выросли быстро, и красотой заблистали они много ярче, чем дети простых поселян. Уже было Дафнису пятнадцать лет от рожденья, а Хлое столько же, только без двух, когда и Дриас и Ламон в одну ночь такой сон видят. Привиделось им, что нимфы той самой пещеры, в которой источник был и где Дриас нашел ребенка, Дафниса с Хлоей передают мальчику, бойкому и прелестному: за плечами крылья, маленький лук и короткие стрелки в руках. И, коснувшись обоих одною стрелой, велел отныне пасти ему козье стадо, а ей стадо овец.

8. Увидав этот сон, Дриас и Ламон огорчились — неужели придется пасти этим детям коз и овец? Ведь по их детским пеленкам, казалось, предсказана им была лучшая доля; потому-то их и пищей кормили более нежной, и грамоте обучали, и всему, что в деревне считалось прекрасным. Но все же, подумали, надо богам поклониться, раз дело идет о судьбе детей, спасенных богов провиденьем. Друг другу об этом сне рассказав и жертву в пещере у нимф принеся крылатому мальчику (имя его назвать они не умели), они со стадами питомцев своих посылают, всему их обучив: как нужно пасти до полудня; как снова стадо выгонять, когда спадет жар; когда к водопою водить, когда обратно в загон отводить; когда посох в ход пускать, а когда лишь прикрикнуть. А Дафнис и Хлоя обрадовались, словно важное дело им поручили, и своих коз и овец полюбили больше, чем у простых пастухов в обычае было: ведь она овец пасла, виновниц спасенья своего, он же помня, что его, брошенного, коза вскормила.

9. То было начало весны, и все цветы расцвели — в лесах, в лугах, на горах. Уже воздух был полон жужжанием пчел, птицы звонко пели, прыгали, резвясь, рожденные недавно козлята и ягнята. Барашки скакали по холмам, пчелы жужжали в лугах, и птицы пенем своим оглашали густые заросли. И так как все вокруг охвачено было радостью и весельем, Дафнис и Хлоя, юные, нежные, стали сами подражать тому, что слышали, тому, что видели: слыша пение птиц,

сами пели; глядя, как прыгают овцы, и сами легко скакали; пчелам подражая, цветы собирали и на грудь за одежду себе их кидали или, веночки сплетая, их нимфам в дар посвящали.

10. И делали все они вместе, стада свои пася друг от друга неподалеку. И часто Дафнис пригонял овец, отбившихся от стада, часто и Хлоя сгоняла с крутых утесов слишком смелых коз. Бывало и так, что один из них сторожил оба стада, когда другой чересчур увлечется игрою. А игры были у них пастушьи, детские. Хлоя на болоте сбирала стебли златоцвета, плела из них клетки для цикад и часто, этим занявшись, овец своих забывала. А Дафнис, нарезав тонких тростинки, узлы их колен проколов, одну с другою склеив мягким воском, до ночи учился играть на свирели. И вместе порою они пили молоко и вино, а еду, что с собой приносили из дома, делили друг с другом. И можно б скорее увидеть, что овцы и козы врозь пасутся, чем встретить порознь Дафниса с Хлоей.

11. И пока они так веселились, вот какую беду измыслил Эрот против них: неподалеку волчица кормила волчат и из соседних стад часто похищала добычу; ведь много пищи ей нужно было, чтобы волчат прокормить. Тогда поселяне, ночью сойдясь, вырыли ямы в сажень шириной, глубиною в четыре. Большую часть земли они раскидали, далеко от ямы убравши, а над ямой положили сухие длинные ветви и засыпали их остатком земли, чтоб месту придать прежний вид. Если бы даже заяц здесь пробежал, то и тогда б эти ветви сломались, ведь они были тоньше соломы; тут уж сразу бы стало понятно, что здесь не земля, а земли лишь подобье. Но хотя и вырыли много они таких ям по горам и равнинам, не пришлось им поймать волчицу: учуяла тотчас она, что в земле тут ловушка, а коз и овец погибло немало, да к тому же чуть-чуть не погиб и сам Дафнис. И вот как это случилось.

12. Два козла, придя в ярость от ревности, кинувшись друг на друга, вступили в бой. Столкнулись они так сильно, что у одного из них сломался рог; было ему больно, и, весь задрожав, он пустился бежать, а победитель, за ним гонясь, не давал ему передышки. Дафнису стало жалко, что сломался рог, и, рассердившись на дерзкого

козла, схватил он свой посох и стал преследовать того, кто преследовал сам. И, конечно, ни козел убегавший, ни Дафнис, в гнев его догонявший, себе под ноги не смотрели, и оба падают в яму — первым козел, а за ним следом и Дафнис. Это Дафниса и спасло: при паденье козел опорой ему послужил, и вот он в слезах ожидал, не придет ли кто, чтоб наверх его вытащить. Хлоя увидела все, что случилось, помчалась к яме, узнала, что Дафнис жив, и на помощь с соседнего луга позвала пастуха, сторожившего быков. Придя, он стал искать длинной веревки, чтоб, за нее схватившись, наверх поднялся Дафнис из ямы. Но не случилось веревки под рукой.

Тут Хлоя, развязав свою повязку, дает ее пастуху опустить к Дафнису в яму; и вот они, стоя на краю, его стали тянуть, а он, перехватывая повязку руками, выбрался наверх. Вытащить им удалось и козла злосчастного, оба рога сломавшего; вот какая настигла его кара за козла, им побежденного. Козла они пастуху подарили как дар за спасенье, чтоб он его в жертву принес, а домашним решили неправду сказать, придумав, что волки напали, если кто о нем спрашивать станет. Сами ж, вернувшись назад, осмотрели своих овец и коз. И, увидав, что козы и овцы пасутся спокойно, они уселись на ствол дуба и стали осматривать в яму свалившись, не поранил ли себя Дафнис до крови. Но ни раны, ни крови на нем не было, только волосы и все тело были в земле и грязи. И они решили, что Дафнису надо обмыться, пока не узнали Ламон и Миртала о том, что случилось.

13. И, войдя вместе с Хлоей в пещеру нимф, он отдал Хлое стеречь свой хитон и сумку, а сам, став у ручья, принялся мыть свои кудри и все свое тело. Кудри у него были черные и густые, тело — загорелое, и можно было подумать, что тень от кудрей его делает смуглым. Хлое, глядевшей па него, Дафнис показался прекрасным, и так как впервые прекрасным он ей показался, то причиной его красоты она сочла купанье. Когда же она стала омывать ему спину, то его нежное тело легко поддавалось руке, так что не раз она украдкой к своему прикасалась телу, желая узнать, какое нежнее. Потом они стада свои погнали домой — солнце было уже на закате, и Хлоя ничего уже больше с тех пор не желала, кроме как вновь увидеть Дафниса купающимся. Утром, когда на луг они пришли, Дафнис, как

обычно, севши под дубом, стал играть на свирели, а вместе с тем присматривал за козами, а они тихо лежали, словно внимая его напевам. А Хлоя, севши рядом, следила за стадом своих овец, но чаще на Дафниса глядела.

И вновь, на свирели играя, прекрасным он ей показался, и опять она решила, что причина его красоты — это прелесть напева, так что, когда он кончил играть, она и сама взялась за свирель, надеясь, что, может быть, станет сама столь же прекрасной. Она убедила его опять купаться пойти, и вновь увидала его во время купанья, и, увидав, к нему прикоснулась, и ушла опять в восхищении, и восхищение это было началом любви. Что с ней случилось, девочка милая не знала, ведь выросла она в деревне и ни разу ни от кого не слыхала даже слова «любовь». Томилась ее душа, взоры рассеянно скользили, и только и говорила она что о Дафнисе. Есть перестала, по ночам не спала, о стаде своем не заботилась, то смеялась, то рыдала, то вдруг засыпала, то снова вскакивала; лицо у нее то бледнело, то вспыхивало огнем. Меньше страдает телушка, когда ее овод ужалит. И раз, когда она осталась одна, вот какие слова пришли ей на ум:

14. «Больна я, но что за болезнь, не знаю; страдаю я, но нет на мне раны; тоскую я, но из овец у меня ни одна не пропала. Вся я пылаю, даже когда сижу здесь, в тени. Сколько раз терновник царапал меня, и я не стонала, сколько раз пчелы меня жалили, а я от еды не отказывалась. Но то, что теперь мое сердце ужалило, много сильнее. Дафнис красив, но красивы и цветы, прекрасно звучит его свирель, но прекрасно ноют и соловьи, а ведь о них я вовсе не думаю. О, если б сама я стала его свирелью, чтобы дыханье его в меня входило, или козочкой, чтобы пас он меня. О злой ручей! Ты только Дафниса сделал прекрасным, я же напрасно купалась в тебе. Гибну я, милые нимфы, и даже вы не даете спасенья девушке, вскормленной здесь на ваших глазах! Кто ж вас венками украсит, когда меня не станет, кто. будет кормить моих бедных ягнят. кто будет ходить за моей цикадой болтливой? Ее я поймала, с большим трудом, чтобы возле пещеры меня усыпляла пеньем своим, но Дафнис теперь лишил меня сна, и напрасно поет цикада».

15. Так страдала она, так говорила, стараясь найти имя любви.

А пастух Доркон, который из ямы вытащил Дафниса, а с ним и козла, человек молодой, чей подбородок был первой бородкою опушен, познавший любовь и на деле уже, и по имени, внезапно с того самого дня почувствовал к Хлое влечение, и чем больше дней протекало, тем сильнее он сердцем распался; на Дафниса, как на мальчишку, он даже внимания не обращал, а Хлоей во что бы то ни стало овладеть решил подарками или силой. Сначала принес он им обоим подарки — ему пастушью свирель в девять колен, скрепленных не воском, а медью, а ей — шкуру лани, одежду вакханок^[10], пятнистую, словно красками всю расписанную. С тех пор, считаясь уж другом, он мало-помалу небрежно к Дафнису стал относиться, а Хлое каждый день приносил или нежною сыру кусок, иль из цветов сплетенный венок, или рано созревший яблони плод; а один раз принес он ей теленка-сосунка, чашечку с золотым узором, птенцов горных птиц, а она, не искушенная в хитрых приемах любви, принимая эти подарки, рада была, а еще больше радовалась тому, что ими может порадовать Дафниса. Но так как и Дафнису нора уже было узнать, какие мученья любовь доставляет, то однажды спор у него с Дорконом возник, кто красивей, и судьей была выбрана Хлоя; наградой же было назначено: кто победит, тот Хлою целует. Первый Доркон стал говорить:

16. «Милая девушка! Ростом я Дафниса выше, я пасу быков, а он — коз, и настолько я лучше его, насколько быки лучше козлов; молока я белее, и кудри мои золотисты, как колос, поспевший для жатвы. Вскормила меня моя мать, а не зверь какой. А он — мал, безбород, словно женщина, и черен, как волк. Пасет он козлов, и от них отвратительный запах, а беден настолько, что пса не прокормит. Если, как говорят, его молоком вскормила коза^[11], то чем же он лучше козленка?» Такие-то речи вел Доркон; после него Дафнис стал говорить:

«Верно, меня, как и Зевса, вскормила коза; пасу я козлов, но они покрупнее быков в его стаде. Запах козлов ничуть ко мне не пристал: ну да, не пахнет же Пан, а ведь он настоящий козел. Хватает мне сыра с поджаренным хлебом и сладкого вина, все это — достаток богатых крестьян. Я безбород, но таков и Дионис; темна моя кожа, но темен и цвет гиацинта, а ведь Дионис повыше сатиров^[12], и гиацинт лилий

получше. А этот вот — рыжий, как лисица, с бородою козлиной, и бел, как горожанка. И если тебе придется из нас одного целовать, у меня поцелуешь ты губы, у него же щетину. А затем не забудь, девушка милая: и тебя вскормила овца, а ты ведь красива».

17. Хлоя не стала уж более медлить, но, вспыхнув от радости, слыша его похвалу, да и сама давно желая Дафниса поцеловать, быстро вскочила и его подарила своим поцелуем — бесхитростным, безыскусным, но таким, что смог он всю душу его воспламенить. Огорченный, быстро ушел Доркон и другого пути стал искать для своей любви.

Дафнис же, будто его не поцелуем подарили, а укусили, тотчас сумрачным стал: часто вздрагивал он и сердца быстрые удары старался сдерживать; хотелось ему на Хлою смотреть, а как взглянет — весь краской зальется. Тогда-то в первый он раз увидел с восхищеньем, что золотом кудри ее отливают и глаза у нее огромные, словно у телки, а лицо поистине молока его коз намного белей. Как будто тогда он впервые прозрел, а прежде будто вовсе не было глаз у него, до еды он почти не касался, а пил, если кто предлагал, — разве что по принуждению: лишь пригубливал. Стал молчалив тот, кто прежде болтливее был, чем цикады, вялым тот стал, кто раньше резвее был коз; перестал он за стадом смотреть, и свирель свою он забросил; пожелтело лицо у него, как трава, сожженная зноем. Об одной только Хлое были речи его. И если один без нее оставался, он так сам с собой, как в бреду, говорил:

18. «Что ж это сделал со мной Хлои поцелуй?»

Губы ее нежнее роз, а уста ее слаще меда, поцелуй же ее пронзил меня больнее пчелиного жала. Часто я козлят целовал, целовал и щенят, и теленка, подарок Доркона, но ее поцелуй — что-то новое. Дух у меня захватило, сердце выскочить хочет, тает душа, и все же опять я хочу ее поцелуя. О, победа злосчастная, о, болезнь небывалая, имени даже ее я назвать не умею! Собираясь меня целовать, не отведала ль Хлоя сама какого-то зелья? Почему же она не погибла? Как поют соловьи, а свирель моя замолчала! Как весело скачут козлята, а я сижусь недвижим! Как пышно цветы расцвели, а я венков не

плету! Вон фиалки, вон гиацинт распустился, а Дафнис увял. Неужели Доркон станет скоро красивей меня?»

19. Так говоря, томился Дафнис прекрасный, ведь впервые вкусил он и дел и слов любовных.

Доркон же, пастух, в Хлою влюбленный, Дриаса подстерег, когда тот сажал молодые побеги виноградной лозы, к нему подошел с отборными сырами и преподнес ему в подарок, так как были друзьями они с тех пор, когда еще Дриас сам пас стада. Начав с этого, речь перевел он на брак свой с Хлоей: если женится он на ней, то сулит много ценных подарков, как подобает тому, кто пасет быков, — пару волов для пашни, четыре улья пчел молодых, полсотни яблонь, воловью кожу, чтобы подошв нарезать, и всякий год теленка, уже не сосунка. Дриас, польстившись на такие дары, чуть-чуть на брак не согласился. Но, сообразив, что девушка достойна жениха получше, и боясь непоправимую нажить беду, когда все раскроется, на брак он согласия не дал, прощенья просил и от всех подарков Доркона отказался.

20. Вторично потерпев крушение своих надежд и загубив понапрасну свои прекрасные сыры, Доркон решил напасть на Хлою, когда она будет одна. И, выследив, что по очереди гоняют на водопой стада, один день Дафнис, другой же — девушка, хитрую придумал он хитрость, какая к лицу пастуху. Взял он шкуру волка огромного, которого бык заперол рогами, коров защищая; натянул он ее па себя, спустив по спине до пят; передними лапами он покрыл свои руки, задними ноги до самых ступней, а голову — как воин шлемом, волчьей мордой с разинутой пастью покрыл. Перерядившись, насколько возможно, в дикого зверя, идет он к ручью, куда после пастьбы шли козы и овцы на водопой. В глубоком овраге был этот источник; все место вокруг него заросло диким акантом, шиповником, можжевельником, чертополохом и низкою ежевикой. В такой западе легко бы скрылся и волк настоящий. Спрятавшись там, Доркон поджидал, когда наступит пора водопоя, и крепко надеялся, что в перепуге от страшного зрелища Хлоя легко попадет в его руки.

21. Прошло немного времени, и Хлоя погнала стада к ручью, покинув Дафниса, — он резал зеленые побеги на корм козлятам после пастьбы. Следом за нею шли собаки, овец и коз оберегая и, как всегда, принюхиваясь чутко; почуяв Доркона, который в кустах шевельнулся, готовясь на девушку ринуться сразу, они с громким лаем бросились на него, словно на настоящего волка, и, окруживши его, прежде чем он от испуга успел приподняться, стали рвать волчью шкуру. Боясь позора, защищенный покрывавшей его шкурой, он молча сидел в засаде; когда же Хлоя перепугалась при первом взгляде на него и стала на помощь Дафниса звать, а собаки, стащивши с него волчью шкуру, впились ему в тело зубами, Доркон, громко закричав, стал умолять о помощи Хлою и Дафниса, уже прибежавшего сюда. Они, окликнув собак зовом привычным, сразу их угомонили, Доркона к ручью повели — бедра и плечи его были искусаны; раны от собачьих зубов промыли и смазали вяза зеленой корой, разжевавши ее. По своей неопытности в дерзких поступках любви, они сочли злой замысел Доркона с волчьей шкурой за пастушью шутку. Ничуть не рассердившись, они даже стали его утешать и, под руки взяв, с ним прошли часть пути и только тогда отпустили домой.

22. И вот Доркон, избегнув счастливо такой беды и спасшись, но не из волчьей пасти, как говорится в пословице, а из собачьей, стал залечивать раны свои. У Дафниса же с Хлоей в тот день было много хлопот — до самой ночи собирали они овец и коз; видом волчьей шкуры перепуганные, собачьим лаем растревоженные, одни из них в горы забежали, другие же вниз к самому морю сбежали. А ведь они были приучены голоса слушаться, свирели звуку подчиняясь, успокаиваться и, как хлопнут в ладоши, — вместе собираться. Но тогда страх заставил их забыть обо всем, и, с большим трудом разыскав их, как зайцев, по следам, загнали их Дафнис и Хлоя в загоны.

Только этою ночью и спали они крепким сном, и усталость была им лекарством от любовной тоски. Но когда вновь день наступил, они опять стали все так же страдать: радовались — встретившись, расставшись — печалились; желали чего-то, но не знали, чего желают. Одно лишь знали они, что его погубил поцелуй, а ее купанье в ручье.

23. Разжигала их и самая года пора. Был конец весны и лета начало, и было все в расцвете. Деревья в плодах, равнины в хлебах, нежное всюду цикад стрекотанье, плодов сладкое благоуханье, овечьих стад веселое блеянье. Можно было подумать, что самые реки сладостно пели, медленно воды катя, а ветры как будто на флейте играли, ветвями сосен шелестя; и яблоки, будто в томленьи любви, падали с веток на землю; и солнце — любя красоту — всех заставляло снимать одежды. И, распаленный всем этим, Дафнис в реки бросался; он то окунался, то за рыбами гонялся, игравшими возле него; и часто плотал он холодную воду, затушить как будто желая пылавший внутри пожар. Хлоя ж, выдоив овец и почти всех коз, немало времени тратила, чтоб заквасить молоко; очень уж ей мешали мухи противные и жалили, когда их отгоняли. Затем, вымыв лицо, она надевала венок из веток сосновых, и, накинув на бедра шкуру лани, чашу вином с молоком наполняла, и этот напиток с Дафнисом вместе пила.

24. Но вот близок был полдень, и время наступало, когда их глаза попадали в плен очарованья. Когда Хлоя Дафниса нагим видела, ее поражала его краса, и млела она, изъяна малейшего в его теле не замечая. Он же, видя ее одетой в шкуру лани и в сосновом венке, когда подавала она ему чашу, думал, что видит одну из нимф, обитавших в пещере. И вот похищал он сосновый венок с ее головы, сначала его целовал, потом на себя надевал; а она, когда, сняв одежды, омывался он в реке, надевала их на себя, тоже сперва их целуя. Иногда они друг в друга яблоки бросали^[13] и голову друг друга украшали, пробором волосы деля: Хлоя говорила, что волосы его похожи на ягоды мирта, так как темными были они, а Дафнис лицо ее сравнивал с яблоком, так как оно было и белым и румяным. Он учил ее играть на свирели, а когда она начинала играть, отбирал свирель у нее и сам своими губами скользил по всем тростинкам. С виду казалось, что учил он ее, ошибку ее поправляя, на самом же деле через эту свирель скромно Хлою он целовал.

25. Как-то раз в полуденную пору, когда он играл на свирели, а их стада в тени лежали, незаметно Хлоя заснула. Это подметив, Дафнис свирель свою отложил и ненасытным взором всею он ей любовался: ведь теперь ему нечего было стыдиться; и тихо он сам про себя

говорил: «Как чудесно глаза ее спят, как сладко уста ее дышат! Ни у яблочка, ни у цветущих кустов нет аромата такого! Но целовать ее я боюсь; поцелуй ее ранит сердце и, как мед молодой, в безумье отвергает. Да и боюсь поцелуем своим ее разбудить. Ах, уж эти болтуны-кузнечики! Громким своим стрекотаньем они ей спать не дадут, а вот и козлы стучат рогами, вступивши в бой; о волки, трусливей лисиц! Чего вы их до сих пор не похитили?»

26. Когда он так говорил, кузнечик, спасаясь от ласточки, вознамерившейся его поймать, вскочил к Хлое на грудь, а ласточка, преследуя его, схватить не смогла, но, гонясь за ним, близко так пролетела, что крыльями щеку Хлои задела. Она же, не понимая, что случилось, с громким криком пробудилась от сна. Заметив же ласточку — все еще близко порхавшую — и видя, что Дафнис смеется над испугом ее, она успокоилась и стала глаза протирать, все еще сонные. Тут кузнечик в складках одежды на груди у Хлои запел, как будто благодарность за спасенье свое приносил. И вновь громко вскрикнула Хлоя, а Дафнис опять засмеялся. И под этим предлогом руки на грудь он ей положил и кузнечика милого вынул; он даже в руке у него петь продолжал. Увидевши его, обрадовалась Хлоя, на ладонь его взяла, поцеловала и вновь у себя на груди укрыла, а кузнечик все пел.

27. А однажды порадовала их сизая голубка, проворковав в лесу свою пастушью песню; и когда Хлоя узнать захотела, что же такое она говорит, Дафнис ей рассказал всем известную сказку:

«Была она девой, о дева, такой же, как ты, красивой. В лесу пасла она стадо большое коров. Была она певуньей, и коровы любили пенье ее; и, пася, не била она их посохом, не колола заостренным шестом, но, сидя под сосной и надевши венок из сосновых ветвей, песни пела в честь Пана и Питии^[14], и, звуком песен очарованные, не отходили от нее далеко коровы. А поблизости быков нас мальчик-пастух. И сам был он красив и такой же певун, как и девушка. И, заспорив с ней, кто красивей поет, он своим голосом, сильным, как у мужчины, и нежным, как у ребенка, переманил у нее в свое стадо лучших восемь коров и угнал их. Огорченная ущербом в стаде и пораженьем в пении, стала девушка молить богов, чтоб дали ей лучше птицей обернуться,

чем домой вернуться. Боги исполнили просьбу ее и в птицу ее обратили, как и она, в горах живущую, и такую ж, как она, певунью. И доньше песнею повествует она о несчастье своем, говоря, что все ищет своих коров заблудившихся».

28. Такие-то им радости лето давало. Когда же осень была в полном своем расцвете и грозди винограда созрели, тирийские пираты^[15] на легком судне карийском^[16] (чтобы за варваров их не признали) причалили к этим местам. Выйдя на берег, в полупанцирях, с короткими мечами, грабя, забирали они все, что под руку им попадалось: душистое вино, зерно без меры и счета, мед в сотах. Угнали и нескольких быков из стада Доркона, захватили и Дафниса, бродившего около моря; Хлоя же попозже выгоняла овец Дриаса: боялась девушка пастухов озорных.

Увидав мальчика статного, красивого, более ценного, чем все^[17], что они награбили па полях, не стали разбойники тратить усилия, загоняя коз или добывая какую иную добычу с полей, а потащили его на корабль, рыдавшего в отчаянии, громко звавшего Хлою. Они же, быстро причальный канат отвязав и налегши руками на весла, уже уходили в открытое море. А Хлоя гнала в это время своих овец, в подарок Дафнису неся новую свирель. Видя коз перепуганных и слыша, что Дафнис ее все громче и громче кличет, она и овец забыла, и свирель бросила, и бегом кинулась к Доркону на помощь его позвать.

29. Он же лежал, разбойниками страшно израненный, и едва дышал, кровью обливаясь. Увидел он Хлою и, на минуту вспыхнув пламенем прежней любви, к ней обратился.

«Скоро, Хлоя, — сказал он, — уже не будет меня в живых. Злодеи-разбойники эти, когда за быков я сражался, меня самого, словно быка, убили. Ты же и Дафниса спасешь, и за меня отомстишь, и их погубишь. Приучил я быков слушаться зова свирели и бежать на звуки ее, даже когда далеко пасутся они. Возьми же скорее эту свирель и заиграй на ней тот напев, которому некогда Дафниса я научил, а Дафнис тебя, а что выйдет — это уж дело свирели моей и быков, — там они, вдалеке. Дарю тебе эту свирель; в состязаниях многих я с ней побеждал пастухов, что пасут и быков и коз, а ты, пока жив я еще,

меня поцелуй, а умру — слезу пролей. И если увидишь другого, который быков моих будет пасти, обо мне вспомяни».

30. Так сказав, Доркон поцеловал ее прощальным поцелуем, и вместе с тем поцелуем и с такими его словами душа его отлетела. Хлоя же, взявши свирель и ее к губам приложивши, стала играть так громко, как только могла; и вот звуки свирели слышат быки и знакомый напев узнают, и все вместе, с мычаньем, в едином порыве бросаются в море.

Сильно накренился корабль от такого толчка в одну сторону, расступилась глубь морская под тяжестью спрыгнувших в воду быков, перевернулся корабль и погиб в сомкнувшемся пучине. Все, кто был на том корабле, бросились в воду, но надежда спастись не у всех была одинакова. Ведь разбойники были мечом опоясаны, в чешуйчатые полупанцири затянуты, а голени до половины наколенниками стиснуты. Дафнис же был босой — ведь стадо он пас на лугу, и полунагой — ведь время еще было жаркое. Недолго пришлось им поплавать, скоро на дно увлекла их тяжесть оружия; а Дафнис свою одежду скинул легко, но трудно было ему вначале плыть, так как раньше плавал он только в реках; но потом нужда научила его, что ему делать. Кинувшись вперед, оказался он между быками, и, схватив обеими руками двух быков за рога, без труда и забот он поехал, как будто погоняя упряжку. Ведь плавает бык, как не может плыть человек: лишь птицам он водяным да рыбам еще уступает. И, плавая, бык никогда не погибнет, да только, насквозь промокший, спадает рог с копыт у него. И даже сегодня много мест на морях правду слов моих подтверждают — те, что зовутся «Боспорами»^[18].

31. Таким-то образом спасся Дафнис, вопреки всякой надежде избегнув двух опасностей сразу: и от разбойников он ускользнул, и в море не потонул. Выйдя на берег, он Хлою нашел: она и смеялась и плакала разом. Бросившись ей на грудь, он спрашивать стал, с какой целью она на свирели играла? А она ему все рассказала: как она кинулась к Доркону; к чему были быки приучены; как было ведено ей на свирели играть и о том, что умер Доркон; только, застыдясь, о своем поцелуе ничего не сказала; и решили они почтить своего благодетеля: вместе с его родными пошли хоронить Доркона

несчастливого. Высокий холм над ним они насыпали, много растений из своих садов они посадили и начатки от трудов своих каждый в честь его на них повесил; а затем молоко над могилою пролили, виноградные грозди раздавили и много свирелей разбили. Слышно здесь было и быков мычанье жалобное, и можно было увидеть, как в беспорядке, мыча, метались они, и среди пастухов, пасших коз и овец, пошел разговор, что это плач был быков по пастухе своем умершем.

32. Схоронивши Доркона, омывает Дафниса Хлоя^[19], к нимфам его приведя и в пещеру его введя. И сама впервые тогда обмыла тело свое на глазах у Дафниса, белое, чистое в красоте своей и не нуждавшееся даже в омовении, чтоб быть прекрасным; а затем, собравши цветы, что цвели той порою, увенчали они венками статуи нимф, а Доркона свирель прикрепили к скале в дар богам. А после этого пошли они па коз своих и овец посмотреть. Все они смиренно лежали, не паслись, не блеяли, но, думаю я, не видя Дафниса с Хлоей, о них тосковали. Когда ж они показались, и раздался обычный их зов, и на свирели они заиграли, овцы тотчас же поднялись и стали пастись, а козы запрыгали, зафыркали, словно радуясь спасенью своего пастуха. А вот Дафнис не мог заставить себя быть веселым, увидав Хлою нагой и красу ее, прежде сокрытую, открытой; заболело сердце его, будто яд какой-то его снедал: то дышал он часто и скоро, как будто кто гнался за ним, то задыхался, как будто все силы свои истощил уже в беге. Казалось, в ручье купанье было для него страшнее, чем в море крушенье; думал он, что душа его все еще остается во власти разбойников, был ведь он молод и простодушен и не знал еще, что за разбойник — любовь.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Уже осенняя пора достигла полного расцвета, наступило время сбора винограда, и все в полях принялись за работу: кто точила^[20] чинил, кто бочки очищал, а кто корзины сплетал; иной хлопотал о коротких серпах, чтоб срезать виноградные грозди, иной — о камне, чтоб давить из гроздей сок, иной рубил сучья сухие, чтобы можно их было ночью зажечь и при огне переносить молодое вино.

Забыв своих коз и овец, Дафнис и Хлоя пришли им на помощь и тоже руки к делу приложили: Дафнис в корзинах таскал виноградные грозди, в точила бросая, давил и по бочкам вино разливал; Хлоя готовила пищу тем, кто виноград собирал, им для питья наливала вино прошлогоднее и обрезала низко растущие грозди: ведь на Лесбосе весь виноград — низкорослый, не тянется кверху, по ветвям деревьев не вьется; но низко стелются лозы и, как плющ, ползут по земле; даже ребенку, чьи от пеленок руки только что стали свободны, легко до гроздей дотянуться.

2. Как бывает всегда на празднике Диониса, когда родится вино, женщины, с окрестных полей приглашенные в помощь, на Дафниса поглядывали и похваливали его красоту, говоря, будто подобен он Дионису; а из более смелых иная Дафниса и целовала и этим его волновала, Хлою же сильно огорчала.

Мужчины же, на точилах работавшие, с Хлоей заигрывали; как сатиры перед вакханкой, они скакали, словно обезумев, и клялись, что готовы сделаться овцами, лишь бы она их пасла; и тут уж она веселилась, а Дафнис огорчался. И оба они с нетерпением ждали, чтоб поскорее кончился сбор винограда и они бы вернулись к привычным местам и вместо буйного крика слушали звуки свирели, блеяние коз и овец. Когда ж через несколько дней был уже собран весь виноград, бочки вином молодым налиты и уж не было больше нужды в таком множестве рук, вновь Дафнис и Хлоя погнали свои стада на луга. Полные радости, они преклонились перед нимфами, им в дар принесся виноградные грозди на лозах, сбора начатки. И в прежнее время ни разу не проходили они мимо нимф без внимания: всегда, пастьбу

начиная, к ним с мольбой обращались, и, с пастьбы возвращаясь, перед ними они преклонялись. И всегда им что-нибудь в дар приносили: или цветок, или плод, или зеленую ветвь, или молоком возлиянье совершали. За это потом были они с избытком богинями вознаграждены. Тогда же, словно щенята, спущенные с цепи, они прыгали, на свирели играли, песни распевали, с козлами, с баранами бодались.

3. Когда они так веселились, предстал перед ними старик, в козью шкуру одетый, в грубые сандалии обутый; на боку у него висела сума, да и та была старая. Подсевши к ним, так он сказал: «Я старый Филет, дети мои; много я в прежнее время этим нимфам песен певал, много я на свирели этому Пану играл, и одной только песней своею управлял я стадом большим быков. Пришел же я к вам, что видал — рассказать, что слышал — передать. Есть сад у меня: своими руками растил я его с тех пор, как по старости лет стада пасти перестал.

И все, что приносит каждая года пора, все есть в саду у меня на каждую нору года: весною розы, лилии, гиацинты, фиалки обоих сортов; летом маки, груши и яблоки всякого рода; а теперь виноград, фиги, гранаты и мирт зеленый. С самого раннего утра в мой сад прилетают целыми стаями птицы; одни клюют, другие поют. Густой он, тенистый, три ручейка его орошают, и, если б убрать загородку из терна, можно подумать, что роща перед тобою.

4. Сегодня в полдень вошел я в него и вижу: под гранатовыми и миртовыми деревьями с гранатами и миртовыми ягодами в руках мальчик, белый, как молоко, златокудрий, как огонь, блестящий, как будто только что он омылся; был он нагой и совсем один; шалил он, обрывая плоды, как будто этот сад — его. Кинулся я к нему, чтоб схватить, боясь, как бы задорный тот баловник не сломал моих миртов и гранат; но он проворно и легко ускользал от меня: то за кустами роз, то в маках он прятался, словно птенчик куропатки. А ведь прежде мне приходилось частенько козлят молодых догонять, не раз до устали гоняться за телком-сосунком; но это хитрое было создание и неуловимое. Устал я — ведь я уж старик, — оперся на посох и стал сторожить, как бы он не убежал; и спросил я его, чей он и зачем чужой сад обирает. Он ничего не ответил мне, по, встав

неподалеку, засмеялся, нежно так, и бросать стал в меня миртовыми ягодами, и, сам не знаю я как, заморозил он меня, так что сердиться я уж не мог. Стал просить я его, чтобы меня перестал он бояться и дался мне в руки, и своими я миртами клялся, что его отпущу, давши ему на дорогу гранат и яблок, что позволю ему всегда рвать и плоды, собирать и цветы, если только хоть раз он меня поцелует.

5. Тогда звонко он засмеялся, и голос его был такой, какого нет ни у ласточек, ни у соловья, ни у лебедя, даже если лебедь такой же старый, как я. «Не трудно мне, Филет, тебя поцеловать. Ведь целоваться хочу я больше, чем ты — стать снова юным; но посмотри, по возрасту ль тебе такой подарок: ведь старость твоя от погони за мной тебя не удержит, стоит лишь тебе получить этот единственный мой поцелуй. Но меня не поймать ни ястребу, ни орлу, ни другой какой птице, даже более еще быстролетной, чем эти. И я вовсе не мальчик, и если я мальчиком с виду кажусь, то на самом деле я Кроноса старше^[21] и всех его веков. И тебя я уж знал, когда ты еще в юности ранней пас вон там, на горе, свое стадо быков, широко бредущее. Был я с тобой и тогда, когда ты играл на свирели возле тех дубов, влюбленный в Амариллис; но ты меня не видал, хотя стоял я рядом с девушкой. Это я ее отдал тебе; и вот выросли у тебя сыновья — отличные пастухи и пахари. А теперь Дафниса с Хлоей я пасу, и когда ранним утром сведу я их вместе, иду я в твой сад, наслаждаюсь цветами, плодами и моюсь вот в этих ручьях. Потому-то прекрасны цветы и плоды у тебя: ведь там, где я омываюсь, пьют воду они. Смотри, нет у тебя ни дерева сломанного, ни плода сорванного, ни корня цветов затоптанного, ни ручья замутившегося; и радуйся, что из смертных один ты, на старости лет, узрел такое дитя».

6. Сказавши это, вспорхнул, молодым соловьем он на мирты и, с сучка на сучок, сквозь листья добрался до самой вершины; у него за плечами я крылья увидел, а между плечами и крыльями — маленький лук и колчан; и вот уже нет ничего- ни лука, ни его самого.

И если не напрасно голова моя побелела и если от старости разум мой еще не ослаб, посвящены вы, о дети, Эроту, и Эрот о вас заботу несет».

7. Очарованы были они, как будто слушали сказку, а не правдивый рассказ. И спрашивать стали его: что такое Эрот? Ребенок ли это или птица и в чем его сила? И сказал им на это Филет: «Бог это, дети, Эрот, — юный, прекрасный, крылатый; потому-то он юности радуется, за красотой гоняется и души окрыляет. Такова его мощь, что и Зевсу с ним не сравняться. Царит он над стихиями, царит над светилами, царит над такими же, как сам он, богами, — такой власти вы не имеете даже над своими козами и овцами. Цветы это-дело рук Эрота; деревья эти — его создание. По воле его и реки текут, и ветры шумят. Видал я быка, охваченного страстью, — словно оводом ужаленный, он ревел; видал и козла, в козу влюбленного: всюду за нею он следовал. И сам я был молод и любил Амариллис; тогда и о пище я забывал, и питья не принимал, и сна не знал. Страдал душой; сердце трепетало, тело холодало; то, как избитый, стонал; то, как мертвый, молчал; то, как палимый огнем, в реки кидался. Звал я на помощь и Пана, — ведь и сам он. в Питию был влюблен, — Эхо прославлял за то, что вместе со мною имя моей Амариллис она повторяет. Я свирели свои разбивал за то, что коров моих они чаруют, а Амариллис ко мне не влечет. Нет от Эрота лекарства ни в питье, ни в еде, ни в заговорах, разве только одно-поцелуи, объятия, да еще-нагими телами друг к другу прижавшись, лежать».

8. Дав им такие наставленья, уходит Филет, получив в подарок сыры и козленка, уже рогатого. Они же, оставшись одни и впервые тогда услышавши имя Эрота, опечалились и ночью, вернувшись домой в свои дворы, стали сравнивать то, что слышали, с тем, что сами они переносят... Страдают влюбленные — и мы страдаем. Забывают о пище — мы уж давно о ней забыли; не могут спать — это и нам сейчас терпеть приходится. Кажется им, что горят, — и нас пожирает пламя. Хотят друг друга видеть, — потому-то и мы молимся, чтобы поскорее день наступил. Пожалуй, это и есть любовь; и мы, не зная того, друг друга любим. Если это не любовь и если не любят меня, то чего ж мы тогда мучимся, чего друг к другу стремимся? Все верно сказал Филет. Ведь это дитя из сада явилось некогда во сне нашим отцам и им приказало, чтоб стада мы пасли. Но как его поймать? Мал ведь он и легко убежит. А как от него убежать? Крылья есть у него, и

он тотчас настигнет. К нимфам прибегнуть за помощью надо. Но ведь Пан Филету, в Амариллис влюбленному, все ж не помог. Значит, надо прибегнуть к тем лекарствам, что он указал: целоваться, обниматься и нагими вместе лежать на земле. Правда, теперь уже холодно, но потерпим, — ведь и Филету терпеть приходилось.

9. Так для них эта ночь стала школой. А когда они, с наступлением дня выгнав стада на пастбища, увидели друг друга, то поцеловались и, чего никогда раньше не делали, обнялись крепко, руками сплетаясь, но третье средство применить не решились, — снявши одежды, на землю лечь. Слишком уж смелым оно показалось не только девушке скромной, но даже юному козопасу.

И вновь бессонная ночь пришла, с мыслями о том, что сделано, с упреками за то, чего не исполнили. «Целовались мы — и без пользы; обнимались — лучше не стало. Так, значит, лечь вместе — одно лишь лекарство от любви; Испробуем и его: верно, в нем будет что-то посильней поцелуев».

10. Думая так, и в снах своих, как бывает всегда, они видели ласки любовные, поцелуи, объятия; и то, чего не выполнили днем, то ночью во сне выполняли: нагие, друг друга обнявши, лежали. И все более подпадая под власть этого бога, с наступлением дня они вставали и гнали со свистом стада свои, стремясь поскорей к поцелуям; и, увидав друг друга, с улыбкой друг к другу бежали. Были тут поцелуи, а потом и объятия; лишь с третьим лекарством еще медлили они. Дафнис сказать о нем не решался, Хлоя первой начать не хотела. Но случай счастливый и это им сделать помог.

11. Сидя возле дубового пня, друг к другу прижавшись и вкушая сладость поцелуев, они упивались наслаждением. Были также объятия, дающие крепче устами к устам прижиматься.

И когда среди объятий привлек к себе Дафнис Хлою сильнее, склонилась Хлоя на бок. И он склоняется следом за нею, потерять не желая ее поцелуя. И в этом узнав то, что во сне им являлось, долгое время они вместе лежали, как будто их крепко кто-то связал. Но, не зная, что надо делать затем, и считая, что это предел наслаждений любовных, они, большую часть того дня бесполезно потратив,

расстались и погнали свои стада назад; ночь проклиная. И, может быть, немного спустя они совершили б что надо, если бы вот какое смятенье не постигло все те края.

12. Несколько богатых юношей из Метимны^[22], желая приятно время сбора винограда провести и повеселиться за городом; маленький корабль снарядили, слуг на место гребцов посадили и поплыли мимо полей митиленских, которые были ближайшими к морю. Изобилует здесь берег морской заливами, богато украшен зданиями; сплошь идут купальни, сады и рощи; одно создала природа, другое искусство людей; все же вместе было прекрасным местом для увеселений. Плывя вдоль берега и причаливая то тут, то там, они никому зла не причиняли, а веселились, как только могли. То, привязав на тонкой льняной лоске к длинным тростникам крючки, со скалы, полого спускавшейся к морю, рыб удил, что водились меж камней; то сетями или собаками зайцев ловили, бегущих от шума работ в виноградниках. Занимались они и ловлен птиц и брали силками диких гусей, уток и дроф; так что их забавы доставляли им и пользу большую. Если ж чего не хватало, брали у местных жителей, платя им больше цены настоящей. А нужны им были только хлеб, вино да ночлег; осень уже наступала, и они для себя не считали вполне безопасным на море ночь проводить. И корабль свой на берег вытаскивали, ночью бури боясь.

13. И вот кто-то из местных крестьян, нуждаясь в веревке, чтоб камень поднять, который грузом лежал па виноградных гроздьях, уже растоптанных в точиле (старая его веревка истерлась), — тайком пробрался на берег моря, подошел к кораблю, без охраны стоявшему, отвязал канат, отнес его домой и на что хотел, на то и использовал его. Наутро юноши из Метимны взялись за розыски каната, и так как никто не хотел в воровстве сознаваться, малость побранив своих хозяев, поплыли дальше. И, продвинувшись стадий на тридцать, они причалили недалеко от тех лугов, где жили Дафнис и Хлоя; эта равнина им показалась подходящей для охоты на зайцев. Но веревки у них не было, чтоб корабль на причал поставить. Тогда они, свивши зеленую длинную лозу в виде веревки, за край кормы корабль привязали. Затем, спустивши собак, чтобы выследить дичь, они

расставили сети па тех тропках, которые им показались для этого больше всего подходящими. И вот их собаки, с громким лаем повсюду разбежавшись, перепугали коз, которые, покинув горные луга, побежали к морю. Но здесь, на голом песке ничего не найдя, что бы им пощипать, те из них, что были посмелей, к кораблю подойдя, съели зеленую лозу, которой был корабль привязан.

14. А море было беспокойно, так как с гор потянул ветерок. И вот скоро волна за волной, набегая прибоем, подняли корабль, стоявший без привязи, и в открытое море его унесли. Когда заметили это метимнейские гости, одни бросились к морю бежать, другие — собак собирать. И так громко они кричали, что и все, кто был по соседству в полях, услышавши, сбежались. Но ничем помочь нельзя было: ветер крепчал, корабль быстро и неудержимо уносило течением. Лишившись немалых богатств, метимнейцы стали искать, кто же пас этих коз. И, найдя Дафниса, стали его бить и срывать с него одежду. Один из них, взявши собачий поводок, загнул Дафнису за спину руки, как будто готовясь его связать. А Дафнис кричал, когда его избивали, молил поселян о защите и прежде всего звал на помощь себе Ламона с Дриасом. А они, хоть и старики, но крепкие, с сильными руками, привычными к полевым работам, сумели дать отпор и стали требовать, чтобы по справедливости разобрались в том, что случилось.

15. Так как этого же хотели и противники их, то судьей выбирают Филета, пасшего быков: старейшим он был из находившихся здесь и славился среди поселян своей справедливостью редкой. Первыми выступили тут метимнейцы, с обвинением ясным и кратким — ведь судьей у них был простой пастух: «Прибыли мы в эти места поохотиться. Привязавши корабль зеленой лозою, его оставили мы у морского берега, а сами пустили собак отыскивать дичь. В это время к морю пришли козы этого вот человека, привязь сожрали и корабль упустили. Видел ты сам, как его уносило в море... А сколько на нем, как ты думаешь, было богатств? Сколько одежд пропало, сколько красивых уборов для псов, сколько денег! Все эти ваши поля можно было б купить! И, взамен всего этого, мы считаем, что имеем право

увести его, так как он — никуда не годный пастух: у берега моря пасет он своих коз, будто он мореход!»

16. Вот какую обвинительную речь метимнейцы сказали.

Дафнис же после побоев чувствовал себя скверно, но, видя, что Хлоя находится тут, он все позабыл и ответил так: «Пасу я коз хорошо: никогда и никто из соседних крестьян не жаловался, что хоть одна моя коза его сад потравила или ростки винограда попортила. А вот эти — действительно горе-охотники, и собаки у них плохо обучены: всюду носясь бешено, лая яростно, с гор и полей они, словно волки, к морю всех коз согнали. Говорят, что козы мои лозу сожрали; конечно, ведь на голом песке они не нашли ни травы, ни земляничных кустов, ни тмина. А корабль погубили ветер и море: это бури вина, а не коз моих. Говорят, что были на нем дорогие одежды и деньги. Но кто ж, имея хоть каплю разума, поверит, что корабль с дорогим таким грузом был привязан лозою вместо каната?»

17. Сказав такие слова, Дафнис заплакал и разжалобил всех поселян, так что Филет, судья, сам поклялся именем Пана и нимф, что ни Дафнис ни в чем не повинен, ни козы; виновны море и ветер, а над ними судьи — другие. Но не убедил Филет метимнейцев такими речами, и, в гневе на Дафниса бросившись снова, они схватили его и хотели связать.

Но тут поселяне, взбешенные, набросились сами на них, как стая скворцов или галок. Они мигом вырывают из их рук Дафниса — да он и сам отбивался — и, колотя их палками, быстро обращают в бегство; и только тогда поселяне отстали от них, когда выгнали из пределов своих на чужие поля.

18. А пока они гнали метимнейцев, Хлоя тихонько Дафниса ведет к нимфам, умывает ему лицо, все залитое кровью из разбитого носа; вынув из сумки ломоть хлеба и сыра кусок, дает ему есть и — что особенно должно было его приободрить — своими нежными губами целует его поцелуем сладким, как мед.

19. Так вот какой беды избег тогда Дафнис.

Но дело на этом не кончилось: едва метимнейцы с трудом вернулись в город к себе пешком, а не по морю, израненные, а не ликующие, тотчас созвали они граждан на собрание и явились с мольбой^[23], умоляя за них отомстить; они не сказали ни слова правды, чтоб над ними не вздумали издеваться за то, что столько позора им пришлось испытать от простых пастухов; напротив, они стали обвинять граждан Митилены, что те корабль их отняли и, как будто на войне, добро их разграбили. Граждане, видя их раны, поверили им и сочли справедливым отомстить за юношей самых знатных у них домов. Потому они решили без предупреждения начать войну с Митиленой и приказали военачальнику спустить на воду десяток судов и, совершивши налет, разграбить все побережье. Так как зима приближалась, доверять морю большой флот было небезопасно.

20. С наступлением дня посадив солдат за весла, военачальник вышел в открытое море и сделал набег на прибрежные поля митиленцев. И много скота, много зерна и вина он нагребил, так как только недавно кончился сбор винограда; немало забрал и людей, которые там над всем этим трудились. Подплыл он также и к тем местам, где были Хлоя и Дафнис, и, быстро высадившись, стал угонять добычу, какая ему подвернулась.

Дафнис в то время не пас своих коз, а резал в лесу зеленые ветки, чтобы зимою кормить козлят; с высоты увидавши этот набег, спрятался он в дупле бука сухого, а Хлоя у стада своих оставалась; спасаясь от погони, бежит она к нимфам, врагов умоляя ради богинь ее пощадить и тех, кого она пасет. Но все было напрасно. Поиздевавшись над статуями богинь, метимпейцы погнали стада и Хлою с собой увели, подхлестывая, словно козу или овцу, хворостиной.

21. Наполнив все корабли награбленной разной добычей, они решили дальше не плыть, а пустились в обратный путь, боясь и зимних бурь, и врагов. И вот они плыли назад, с трудом налегая на весла, так как не было ветра. А Дафнис, когда кругом стало тихо, пришел на равнину, где пасли они с Хлоей; ни коз он не увидел, ни на овец не набрел, ни Хлою не нашел — а нашел молчание и тишь повсюду да сломанную свирель, которой любила Хлоя забавляться. С

громким криком и жалобными воплями кидался он то к буку, где они сиживали, то к морю, надеясь ее там увидеть, то к нимфам, к которым она прибежала, когда враги гнались за ней. Тут он бросился на землю и стал нимф упрекать за то, что они предали их.

22. «От ваших статуй Хлоя похищена, и вы могли безучастно на это смотреть? Она, которая вам венки плела, первый удой молока возливала, чья свирель здесь висит, вам посвященная. Ни одной козы волк у меня не похитил, а враги угнали все стадо и ту, что со мною вместе пасла. Сдерут кожу с моих коз и в жертву овец принесут, а Хлоя теперь навсегда останется в городе жить. С какими глазами отцу-матери я покажусь, без коз, без Хлои, жалким бездельником? Ведь пасти мне уж больше нечего! Не сойду я с этого места и буду ждать либо смерти, либо нового набега. Так же ль и ты, Хлоя, страдаешь? Вспоминаешь ли эту равнину, этих нимф и меня? Иль утешают овцы и козы тебя, ставшие пленницами вместе с тобою?»

23. Так он говорил; и от слез и от горя охватил его глубокий сон; и во сне предстали пред ним три нимфы, три прекрасные жены высокого роста, полунагие, босые, с распущенными волосами, точь-в-точь как на статуях. Сначала они, казалось, с состраданием взглянули на Дафниса; затем же из них старейшая, ободряя его, так ему говорит: «Не сетуй, Дафнис, на нас. Больше тебя о Хлое заботимся мы; ведь это мы над ней сжалились, над младенцем беспомощным, здесь в пещере лежащую вскормили. Ведь нет у нее ничего общего ни с овцами Дриаса, ни с лугами этими. И сейчас о ее судьбе мы уже позаботились: так что не будет она для рабской доли в Метимну доставлена, не станет частью военной добычи. Вон того Пана, что здесь под сосною поставлен, которого вы никогда не почтили даже цветов приношением, мы упросили прийти Хлое на помощь. Больше, чем мы, привык он к походам и немало повоевал, покидая деревенские поля. И ушел уже он, метимнеицам не легкий враг. Итак, ни о чем не печалься. Встав, покажись на глаза Ламону с Мирталой; ведь они, как и ты, от горя на земле, распростершись, лежат, думая, что и ты стал добычей врагов. Завтра вернется к тебе Хлоя с козами, с овцами, и будете стада вы вместе пасти и на свирели вместе играть. Все остальное — дело Эрота, он о вас позаботится».

24. Увидав и услышав все это, Дафнис быстро вскочил, стряхнув сон; и, заливаясь слезами от радости и от горя, перед статуями нимф преклонился и дал обещанье, если Хлоя спасется, лучшую из коз в жертву им принести.

Затем к сосне он бросился бегом: там статуя Пана стояла, козлоногого и рогатого; в одной руке свирель он держал, другою сдерживал козла на скаку. Дафнис и пред ним преклонился, умолял его Хлою спасти и дал обет принести ему в жертву козла. И лишь к солнца закату он перестал молиться и плакать; ветки, что нарезал, поднявши, вернулся домой, печаль Ламона и его близких разогнал и радостью их преисполнил, немного поел и быстро в сон погрузился, но и во сне плакал и молился, чтобы снова ему нимф увидеть, молился, чтоб день скорей наступил, в который обещано было ему возвращение Хлои. Изю всех ночей эта показалась ему самой длинной. А за эту ночь вот что случилось:

25. Отплывши стадий с десятков, вождь метимнейский решил воинам дать отдохнуть, утомленным набегом. Заметивши мыс, выступавший далеко в море и словно серп месяца изогнутый, за которым воды спокойнее были, чем в любом заливе, он велел причалить сюда, корабли на якорь поставил подалее от берега так, чтоб ни на один с суши не могли напасть поселяне, и разрешил метимнейцам своим веселиться, как будто мир наступил. Вдоволь награвив всего, они стали и пить и играть, как бы справляя праздник победы. И только что кончился день и к ночи затихло веселье, как вдруг вся земля будто вспыхнула, послышались шумные весел удары, будто флот большой подплывал. Одни кричали: «К оружию!» — другие звали военачальника, иные считали себя уже ранеными, некоторые лежали замертво: казалось, что идет ночной бой, но врагов не было видно.

26. Так для них прошла эта ночь, и день наступил, еще более страшный, чем ночь. У коз и козлов Дафниса плющ на рогах появился с гроздьями ягод, а бараны и овцы Хлои стали выть волчьим воем, сама же она в венке из сосновых ветвей вдруг взорам явилась. И на море самом творилось много чудесного. Когда попытались со дна

поднять якоря, оказалось, что сдвинуть их было нельзя; рукояти весел ломались, когда начинали грести, и, прыгая кверху из моря, дельфины ударами хвостов ослабляли крепления кораблей, а с вершины отвесной скалы на мысу голос свирели был слышен; но не радовал слушавших он, как обычно звук свирели, страшен он был, как звук военной трубы. Все в смятенье пришли, к оружию бросились, вызывая на бой невидимых врагов, и, наконец, стали молиться, чтоб ночь пришла снова, надеясь, что наступит тогда передышка. Было ясно для всякого, кто разумно судил о совершавшемся, что призраки эти устрашающие и звуки — дело рук Пана, разгневавшегося за что-то на моряков; но причины понять они не могли — ведь ни единое Пана святилище не было ими разграблено. И вот среди дня, не без воли богов, в глубокий сон погружен был их вождь, и, явившись во сне, так сказал ему Пан:

27. «О преступнейшие, о безбожнейшие люди! На что вы, обезумев, дерзнули? Шумом войны вы наполнили область сельскую, милую мне, вы угнали стада и быков, и коз, и овец, о которых заботился я; от алтарей оторвали вы девушку, из которой Эрот хочет сказку любви создать, и не постыдились вы ни тех нимф, что глядели на вас, ни меня, самого Пана. Не видать вам Метимны, пока вы плывете с добычей такой; и не убежите вы от свирели моей, приводящей вас в трепет. Но в пищу рыбам отдам я вас, потопивши, если только как можно скорей не вернешь ты нимфам Хлою, а также и Хлою стада, ее коз и овец. Встань же и высади на землю девушку со всем тем, что сказал я. Тогда я сам тебе по морю путь укажу, ее же домой провожу».

28. Сильно смущен был Бриаксис (так звали предводителя); поднявшись от сна и созвавши начальников всех кораблей, приказал им возможно скорее Хлою меж пленных найти. Они быстро ее нашли и к нему на глаза привели: ведь сидела она, увенчанная сосновыми ветвями.

Сочтя это верным указанием на то, что он видел во сне, он сам на своем корабле сопровождает Хлою до берега. И едва на землю ступила она, как вновь со скалы раздался звук свирели, уже не воинственный, не страшный, но пастушеский, под который стада на пастбища ведут. И овцы тотчас же сбегали по сходням судов, скользя своими

раздвоенными копытцами, а козы побежали много смелей, лазать привыкши до кручам.

29. И Хлою они окружили, ставши в круг, словно хор, они скакали, блеяли и как будто радовались. А козы, овцы и быки других пастухов оставались спокойно на месте в глубине корабля, как будто песня свирели их не звала. Когда все, изумленьем охваченные, стали славить Пана, тогда и на земле и на море явились еще большие чудеса. Корабли метимнейцев поплыли раньше, чем успели поднять якоря, корабль же вождя вел дельфин^[24] и скакал перед ним над водою. А коз и овец вел свирели сладостный звук, но того, кто играл на ней, не было видно нигде. Так всем стадом шли вместе и овцы и козы и паслись на ходу, наслаждаясь сладкою песнью свирели.

30. Было время, когда днем вторично гонят стада на пастбища; и Дафнис с высокой скалы увидел стада и Хлою и, громко воскликнув: «О нимфы и Пан!» — в долину сбежал, схватил Хлою в объятия и упал, потерявши сознание. Едва-едва удалось Хлое вернуть его к жизни; она его и целовала, и объятьями своими согревала. Потом пошел Дафнис к знакомому буку и, севши под ним, стал расспрашивать Хлою, как сумела она убежать от стольких врагов. Она ж ему все рассказала, — как плющ у коз рога обвивал, как овцы выли по-волчьи, как у ней самой в волосах из сосновых ветвей венки появились, как пошел по земле огонь, а по морю шум; как двоякою песнью пела свирель, то войну, то мир возвещая.

О страшной той ночи все рассказала, и как, не зная дороги, шла она за напевом свирели, ведущим ее. Понял тогда Дафнис и сон, ему нимфами посланный, и деяния Пана, и сам рассказал, что видал, что слышал: как он хотел умереть и как нимфы жизнь ему возвратили. Затем он ее отослал, чтоб она привела Дриаса, Ламона и их домочадцев и все принесла, что нужно для жертвоприношенья; а тем временем сам он, выбрав из коз наилучшую и увенчав ее венком из плюща, — ведь в таком убранстве перед врагами явилось все стадо, — и между рогами ее возлияние свершив молоком, принес ее в жертву нимфам; подвесив, шкуру с нее содрал и дар этот богиням посвятил.

31. Когда пришла Хлоя со всеми своими спутниками, то Дафнис разжег огонь и, часть мяса сварив, часть же изжарив, начатки в жертву нимфам принес, сделал из чаши, полной вином молодым, возлиянье, а затем настелил зелени для ложа, и начался пир, и питье, и веселье. Но в то же время присматривал Дафнис за стадами, как бы волк, напавши на них, не сделал того, что думали сделать враги. Немало песен пелось в честь нимф, старых песен пастушьих.

Когда ночь наступила, все легли спать тут же на поле, а с наступлением дня не забыли Пана почтить и, украсив сосновым венком вожака всего козьего стада, его к сосне повели; и, сделав вином возлиянье, восхвалив бога, они принесли козла в жертву, подвесили и сняли шкуру с него; мясо, сварив и зажарив, тут же на лужайке на листья они положили; а шкуру вместе с рогами прибили к сосне у статуи Пана — пастуший дар пастушьему богу. Отложили для него и первые мяса куски и из кубка большего ему совершили возлиянье; песню пропела Хлоя, на свирели Дафнис сыграл.

32. А затем на ложа они возлегли и начали пир. Случайно к ним подошел пастух Филет: принес он Пану веночки и ветвь лозы виноградной с гроздьями, листьями и молодыми побегами. С ним шел из его сыновей самый младший, Титир, златокудрый, голубоглазый, белокожий и шаловливый; легко подпрыгивал он на ходу, словно козленок. Все разом поднялись и увенчали Пана, грозди лозы прикрепили к кудрявой сосне; рядом с собой усадивши, они пригласили пришедших участвовать в общем пире.

Когда старики захмелели, много, как это обычно бывает, рассказывать стали друг другу: как они стада пасли, когда молоды были, скольких разбойничьих набегов избежали; иной хвалился, что волка убил, другой — что игрой на свирели лишь Пану единому он уступал. Этим особенно хвастал Филет.

33. И вот Дафнис и Хлоя стали его умолять, чтобы он поделился с ними этим искусством и сыграл на свирели на празднике бога, который так любит свирель. Филет согласился, жалуясь, правда, на старость, что дух у него отнимает, и взял свирель Дафниса; но мала она оказалась для большого искусства его, а пригодна только для уст мальчика. Тогда он Титира послал за своею свирелью, а дом его

отстоял стадий на десять. Сбросив свой плащ, нагой, бросился мальчик бежать, как лань молодая. А Ламон обещал тем временем им рассказать о Сиринге преданье — то, что спел ему некогда один пастух сицилийский, в уплату свирель и козла получив.

34. «Некогда эта наша свирель была не свирелью, песни орудьем, а девой прекрасной с голосом нежным. Пасла она коз, с нимфами вместе играла и пела, как ныне поет. Раз, когда она стадо пасла, играла и пела, Пан, перед нею явившись, стал ее соблазнять, склоняя к тому, чего он хотел, и обещал ей за это, что все ее козы будут рожать по паре козляток зараз. Она же смеялась над страстью его, говоря, что не хочет она возлюбленным брать того, кто сам ни козел, ни человек настоящий.

Бросился Пан в погоню за ней, чтоб, поймав, силою ей овладеть. Сиринга ж^[25] бегством спасалась от Пана и от насилья его; но, убегая, устала, и вот среди тростников она прячется и исчезает в болоте. Срезал в гневе Пан тростники, девы же он не нашел, беду, что случилась с ней, понял и эту свирель изобрел, воском слепив тростинки неравные, — подобно тому как неравной любовь их была. И бывшая прежде девой прекрасной свирелью стала певучей».

35. Только что кончил рассказ свой Ламон и Филет его похвалил, говоря, что сказку он рассказал, которая слаще, чем песня, как Титир уже прибежал и отцу свирель принес, большую, с тростинками длинными, с воском на скрепах и в медном убранстве. Можно б подумать, что это была та свирель, которую создал Пан впервые. Поднявшись с ложа и прямо сев на сиденье, Филет сперва все тростинки проверил, хорошо ли по ним воздух проходит. А потом, убедившись, что нет для дыханья задержки, он, словно юноша, полною грудью в свирель начал дуть. И казалось, будто слышишь разом поющих несколько флейт: так звучно играла свирель. Понемногу силу снижая, он перешел к напевам понежнее. С великим искусством он показал, как следует стадо пасти под разный напев: как надо играть для стада коров, какие напевы подходят для коз, а под какие овцы охотно пасутся. Нежно играл для овец, громко для стада коров, резко для коз.

Так подражала одна и та же свирель разным свирелям.

36. Все, наслаждаясь, лежали в молчанье. Тогда встал Дриас, сыграть попросил Дионисов напев и стал пред ними плясать виноградарей пляску. И он показал, как виноградные грозди срезают, как корзины несут, как сок из гроздей выжимают, как по бочкам его разливают, как, наконец, вино молодое пьют. И все так красиво и ясно пляскою Дриас изобразил, что казалось, перед глазами все это было — виноградные лозы, точило и бочки и будто вправду пил сам Дриас.

37. Этот третий старик, заслужив похвалу за пляску свою, Дафниса с Хлоей целует. Быстро вскочив, они пляскою изобразили всю сказку Ламона. Дафнис Пана роль представлял, Сиринги — Хлоя. Он умолял ее, соблазнял, она же смеялась, его отвергая. Он гнался за ней и бежал на копчиках пальцев, — точно как Пан на копытах. Она же, казалось, от бега уже утомилась. Затем срывается Хлоя в лесу, как будто в болоте. Дафнис же, взяв Филета большую свирель, заиграл песню плачевную, словно влюбленный, страстную, словно хотел убедить ее, призывную, словно ее он искал; и Филет, в восхищении, на ноги быстро поднявшись, стал его целовать и, целуя, ему подарил эту свирель, пожелав, чтоб и Дафнис оставил ее преемнику, столь же достойному.

38. Тогда свою небольшую свирель Дафнис в дар принес Пану; и, Хлою поцеловав, как будто в самом деле вновь нашел он ее после бегства, погнав стадо, играя на новой свирели, — ведь уже ночь надвигалась. Погнала и Хлоя своих овец, их собирая напевом свирели. И козы бежали с овцами рядом, и Дафнис шел близко от Хлои; и до самой ночи они наслаждались друг другом, решивши с рассветом пораньше выгнать стада. Как сказали они, так и сделали. Только лишь день забрезжил, пришли они на пастбище и тут обратились с приветом — к нимфам сначала, за ними и к Пану, потом же, под дубом усевшись, стали играть на свирели, потом — целовать, обнимать друг друга; обнявшись, легли, но, ничего не достигнув, снова поднялись; есть захотели и пили вино, смешавши его с молоком.

39. Разгорячившись всем этим и ставши смелее, друг с другом спор они завели, ссору любовную, и скоро до клятв в верности дошли.

И Дафнис Паном поклялся, к его сосне подойдя, что ни единого дня не будет жить один он без Хлои, а Хлоя поклялась Дафнису, — нимф призвавши и войдя в их пещеру, — любя его, жить и умереть. И Хлоя, совсем еще девочка, так была простодушна, что, выйдя из пещеры, решила еще одну клятву взять с него. «Дафнис! — сказала она. Пан твой — влюбчивый бог и неверный: любил он Питию, любил он Сирингу. Вечно он пристаёт к дриадам лесным, не дает прохода нимфам, стада стерегущим. Сам он небрежно относится к клятвам и тебя наказать не подумает, если ты многих женщин будешь любить, — больше чем тростинок на свирели твоей. Лучше ты мне поклянись этим стадом и тою козой, что вскормила тебя, что Хлои ты не покинешь, пока она будет тебе верна. Если же она погрешит против тебя, против нимф, беги от нее, ее ненавидь и, как волка, убей».

Доволен был Дафнис ее недоверием, и, став среди козьего стада, одною рукой держась за козу, другою за козла, он клялся, что Хлою будет любить, пока она его любит; если ж другого ему предпочтет, тогда убьет он себя, но не ее.

Она обрадовалась и поверила ему — ведь пастушкой была она и думала, что козы и овцы для них, пастухов, и есть настоящие боги.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Когда митиленцы узнали о набеге морском десяти кораблей и когда поселяне, пришедшие из деревень, им рассказали о случившихся там грабежах, митиленцы сочли, что подобную дерзость метимнейцев стерпеть невозможно, и решили со своей стороны возможно скорее взяться за оружие: отобрав три тысячи лучших гоплитов и пятьсот всадников, они послали их под начальством Гиппаса по суше, морского пути опасаясь в зимнее время.

2. Двинулся Гиппас в поход, но не стал ни полей метимнейских грабить, ни стада угонять, ни достоянье земледельцев и пастухов расхищать, полагая, что все это приличествует скорей разбойнику, чем военачальнику; быстро повел он свое войско против вражеского города, чтоб застать ворота его без охраны и напасть на него врасплох. Когда до города оставалось стадий около ста, войско встретил глашатай, просивший о мире. От пленных узнали метимнейцы, что неповинны митиленцы в случившемся, что поселяне и пастухи только наказали кучку зазнавшихся юношей; тогда в Метимне люди одумались, поняв, что нападение на город соседа было слишком дерзким и неразумным; вот почему они торопились, вернувши все, что награбили, вновь союз заключить, чтоб без страха встречаться и на земле и па море.

Глашатая этого Гиппас, хоть и был избран полномочным вождем, все же послал в Митилену, а сам, лагерь разбив возле Метимны, стадиях в десяти, стал ожидать от своих указанья.

Прошло два дня, и вестник с приказом пришел: что было награблено, отобрать и, не чиня никакого вреда, домой вернуться. Когда митиленцам на выбор войну или мир предложили, они нашли, что мир для них выгодней.

3. Вот как война Митилены с Метимной, начавшаяся неожиданно, так же внезапно и окончилась.

Наступила зима, и была она для Дафниса с Хлоей горше самой войны. Внезапно выпал глубокий снег, завалил все дороги, а всех

поселян запер в домах. Бурно потоки низвергались; льдом покрывшись, замерзала вода; деревья поникли, словно надломленные; под снегом скрылась земля и видна была только возле ключей и ручьев. Уже никто не гнал своих стад на пастбища, никто не показывал носа за дверь, но, разведя огонь, лишь только запоют петухи, одни лен прясть начинали, козью шерсть другие сучили, иные птичьи силки мастерили. В это время только одна забота была: в ясли мякины на корм быкам подложить, в стойла козам и овцам — веток с листвой, свиньям в закуты — разных сортов желудей.

4. Все поневоле дома сидели; землепашцы и пастухи — те были рады, что хоть на короткое время свободными стали они от трудов: по утрам хорошо они ели, долго и крепко спали, так что зима, на их взгляд, была куда слаще и лета, и осени, даже и самой весны. А вот Хлоя и Дафнис, вспоминая минувшие радости, как они целовались, как обнимались, вместе как пили и ели, — теперь проводили печально бессонные ночи и ждали весенней поры, как ждут воскресенья из мертвых. Огорчались они, даже сумку увидя, когда под руку им попадалась: из нее ведь, бывало, вместе пищу они вынимали; или подойник, — ведь из него вместе пили; или свирель, без вниманья лежащую, дар любви. Нимфам молились они и Пану — их от этих мучений избавить просили и вновь показать и им, и стадам их горячее солнце. Но, молясь, в то же время они средство придумать старались, как бы вновь увидаться друг с другом. Но Хлоя вовсе выхода не видела, да и придумать ничего не могла: та, что считалась ей матерью, всегда была с нею, она учила ее чесать шерсть, крутить веретена и то и дело о свадьбе ей поминала. Дафнис же был свободен и на выдумки более ловок, чем девушка; потому он придумал хитрость такую, чтоб Хлою увидеть.

5. Перед двором Дриаса, у самого забора давно уж росли большие два мирта и плющ: мирты стояли близко один от другого, а между ними вился плющ; раскинув, как виноградная лоза, свои побеги на оба мирта, листвой своей густо сплетенной подобье пещеры он создал, и крупные ягоды, будто виноградные грозди, висели на нем. Потому-то здесь собиралось много зимующих птиц, — ведь пищи им зимой не хватало; много тут было черных и серых дроздов, были дикие голуби,

были скворцы и разные прочие птицы, что ягоды плюща любят клевать. Будто бы ради охоты на этих птиц и пошел сюда Дафнис, а чтоб всяким ему поверил, набрал в сумку медовых лепешек и с собой захватил птичий клей и силки. Расстояние было не более стадий десятка, зато снег, еще не растаявший, много труда и препятствий ему доставлял; но нет для любви пути непроходимого — пусть пролегает он чрез огонь, или воду, или скифские даже снега.

6. Бегом добежав до двора Дриаса, с ног стряхнувши весь снег, он расставил силки и клеем намазал длинные ветки. Так он сидел, с волнением и птиц поджидая и Хлою. Что до птиц, то многое множество их прилетело, и ловить их было легко, так что пришлось ему немало потрудиться, их собирая, убивая и перья ощипывая. А вот со двора не вышел никто, ни мужчина, ни женщина, ни даже домашняя птица, но все, у огня оставаясь, дома сидели, так что Дафнис в затруднении был, не зная, что делать, — словно какие-то зловещие птицы^[26] сюда его привели. Решил он какой-нибудь повод найти и в двери толкнуться, и стал он раздумывать, что бы такое сказать, чтоб слова его правдоподобными показались. «Зашел я за угольком». А не было разве соседей других всего в одной стадии от тебя? «Пришел хлеба взаймы попросить». Но сумка полна едой. «Вина у меня нет». Но только что кончился сбор винограда. «За мной гнался волк» — а где же волчьи следы? «Пришел, чтоб на птиц поохотиться» — что ж после охоты домой не идешь? «Хочу я Хлою увидеть», — но отцу и матери девушки кто же в этом признается? И как ни кинь, все клин. И все-то предлоги мои — слишком они подозрительны. Лучше помолчать. Хлою увижу весной, если уж, кажется, не суждено мне зимою увидеть ее».

Так поразмыслив, собрал он тихонько добычу и хотел уходить. Но сжалился, видно, над ним Эрот, и вот что случилось.

7. Дриас с домочадцами сидел за столом; мясо уже поделили, хлеб на стол положили, чашу вином, разбавив водою, наполнили. И вот одна из собак сторожевых, улучивши минутку, схватила мяса кусок и бросилась к двери бежать. Рассердился Дриас (это была как раз его доля) схвативши палку, он сам, словно пес, погнался за нею. И, за нею гонясь, он у плюща оказался и видит, что Дафнис, на плечи

себе добычу взвалив, подумывает, как бы поскорее исчезнуть. Тотчас же и о мясе и о собаке Дриас позабыл и, громко воскликнув: «Здравствуй, сынок!» — обнял его, расцеловал и, за руку взявши, внутрь дома повел. Увидавши друг друга, Дафнис и Хлоя чуть не упали на землю. Сделав усилие, чтоб на ногах удержаться, они поздоровались, поцеловались и в этом будто опору нашли, чтоб не упасть.

8. Получив сверх ожидания и поцелуй и свидание с Хлоей, Дафнис подсел поближе к огню; снявши с плеч, положил на стол голубей и дроздов и рассказывать стал, как, соскучившись дома сидеть, он пошел на охоту и как наловил силками одних, клеем других, жадно летевших на ягоды мирт и плюща. Все его похвалили за то, что он не сидит сложа руки, и заставили поесть из того, что собака схватить не успела; а вино разлить Хлое велели. Радостно всем она поднесла, Дафнису ж после всех: она в шутку делала вид, что сердита па него за то, что хотел он, пришедши сюда, уйти, ее не выдавши. Но все же, прежде чем ему поднести, сама отпила, а затем уж ему подала. Он же, хотя его жажда томила, стал пить медленно и, медля так, наслажденье свое усиливал.

9. Быстро стол опустел, на нем не осталось ни мяса, ни хлеба. Тогда все, кто сидел за столом, стали спрашивать, как поживает Миртала с Ламоном; они называли счастливыми их за то, что судьба им послала такого кормильца па старость. И рад он был похвалам; ведь их слушала Хлоя. Когда же его не пустили домой, говоря, что назавтра Дионису жертву хотят принести, то от радости он их самих вместо Диониса чуть было поклонением не почтил. Тотчас он вынул из сумки много медовых лепешек и пойманных птиц. На славу их к ужину приготовили, снова поставили кратер с вином и снова огонь разожгли. Быстро ночь наступила, и снова пошло пированье; а потом всякие предания рассказывать стали, песни петь и, наконец, пошли на покой — с матерью Хлоя, Дриас с Дафнисом. И не было Хлое никакой иной отрады, кроме мысли, что наутро она Дафниса снова увидит; а Дафнис ничтожною радостью радовал сердце: счастлив он был уже тем, что лежал с Хлоей отцом. Он его и обнимал, и часто целовал, в дремоте представляя, что это он делает с Хлоей.

10. День наступил; на дворе был ужасный мороз, и северный ветер все леденил. Встали все от сна, годовалого барана принесли в жертву Дионису и, разведя сильный огонь, стали готовить пищу. Пока Папа хлеба пекла, а Дриас жарил барана, Дафнис и Хлоя, свободный момент улучив, выбежали из двора туда, где рос плющ. Вновь поставив силки и намазав клеем ветки, снова они наловили немало птиц. Были для них наслаждением непрерывные поцелуи, и сладка была им беседа. «Для тебя ведь, Хлоя, пришел я сюда». — «Знаю я, Дафнис». — «Из-за тебя ведь гублю я этих несчастных дроздов». — «Что же я сделать должна для тебя?» «Помнить обо мне!» — «Помню, нимфами клянусь, которыми клялась в нашей пещере; туда мы вернемся сейчас же, едва только снег растает». — «Но снега так много, Хлоя! Боюсь я, как бы раньше, чем снег, я сам не истаял». — «Мужайся, Дафнис; солнце сильно уже пригревает». — «О, если бы было оно горячо, как огонь, что сожигает мне сердце». — «Ты все шутишь и хочешь меня обмануть». — «Нет, никогда, козами теми клянусь, клясться которыми сама ты меня заставляла».

11. Так, словно Эхо, откликнулась на речи Дафниса Хлоя. Тут Папа за ними послала, и они прибежали, неся с собою добычу гораздо обильней вчерашней. И, Дионису совершив возлиянье из чаши, они приступили к трапезе, головы плющом увенчав; а когда пришла пора, восхвалив Иакха и восклицая: «Эвоэ!»^[27] — они отпустили Дафниса домой, сумку его наполнив мясом и хлебом. Дали ему и голубей и дроздов отнести Ламону с Мирталой, говоря, что сами они наловят себе других, пока еще зима продолжается и пока ягод на плюще хватает; и Дафнис ушел, расцеловав всех, а Хлою последней, с тем чтоб остался на губах у него чистый ее поцелуй.

И не раз еще ходил он к ним этой дорогой, придумывая иные предлоги. Так что и зима не совсем оказалась для них лишенной любви.

12. Начиналась весна, и таял снег. Стала земля обнажаться, стала трава пробиваться, и пастухи погнали стада па пастбища, а раньше других Дафнис и Хлоя, — ведь служили они пастырю могущества

несравненного. И тотчас бегом они побежали к нимфам в пещеру, а оттуда к Пану, к сосне, а затем и к дубу.

Сидя под ним, и стада свои пасли, и друг друга целовали. Стали они и цветов искать, чтоб статуи богов венками украсить; цветы едва-едва появляться стали, — зефир их пестовал, а солнце пригревало. Все ж удалось найти и фиалки, и нарциссы, и курослеп, и все, что ранней весною земля нам приносит. Хлоя и Дафнис свежего надоили козьего и овечьего молока и, украсив венками статуи богов, совершили молоком возлиянье. И на свирели стали они снова играть, как бы соловьев вызывая поспорить с ними в пенье; а соловьи уже откликались в чаще лесной, и скоро все лучше стала удаваться им песнь об Итисе^[28], словно вспомнили они после долгого молчания свою прежнюю песню.

13. Заблеяли овечьи стада; ягнята прыгали, залезая под маток, и за соски их тянули. А за овцами, еще не рожавшими, гонялись бараны, сзади взбирались на них, каждый выбрав себе одну. И козлы гонялись за козами и насакивали на них с любовной страстью и бились за коз; у каждого были свои, и каждый их охранял, чтоб как-нибудь с ними другой козел тайком не связался. Даже старых людей, случись им это увидеть, к делам любви побудило бы такое зрелище. А тем более Дафнис и Хлоя, юные, цветущие и давно уже искавшие наслаждений любовных: распаялись они, слыша все это, млели, видя это, и сами искали чего-то получше, чем поцелуи и объятия, — особенно Дафнис. За время зимы, сидя дома без всякого дела, он возмужал; поэтому рвался он к поцелуям, и жаждал объятий, и во всем стал гораздо смелей и решительней.

14. Вот он и стал просить, чтобы Хлоя уступила ему в том, чего он желал: нагою с нагим полежала бы с ним подольше, чем делала раньше. «Ведь это одно, — говорил он, — осталось, чего не исполнили мы из советов Филета. Единственно здесь ведь, наверно, то средство, что нашу любовь успокоит».

Когда же она задавала вопрос, что ж есть еще больше, чем целовать, обнимать и вместе лежать, и что же еще он делать задумал, если будут они, оба нагие, вместе лежать, он ей отвечал: «То же, что бараны с овцами и козлы с козами. Разве не видишь, что после того,

как дело сделано, овцы и козы от них не бегут, а те не томятся, гоняясь за ними, но, как будто взаимно вкусив наслажденья, вместе пасутся. Видимо, дело это сладостно и побеждает горечь любви». — «Но разве не видишь ты, Дафнис, что и козлы с козами, и бараны с овцами все это делают стоя, и козы и овцы, тоже стоя, их принимают. Те на них скачут, они же спину им подставляют. А ты хочешь, чтоб я вместе с тобою ложилась, да еще и нагая; смотри, ведь их шерсть гораздо плотнее моей одежды». Послушался Дафнис и, вместе с нею улегшись, долгое время лежал, но, не умея то сделать, к чему страстно стремился, он поднял ее и, сзади обняв, к ней прижался, козлам подражая. И, еще больше смутившись, он сел и заплакал: неужели ж он даже баранов глупее в делах любви?

15. Жил с ним по соседству землевладелец, по имени Хромис, уже в преклонных годах; привел он к себе из города бабенку, молодую, цветущую, гораздо более изящную, чем поселянки. Звали ее Ликэнион. Видя, как Дафнис каждое утро гнал своих коз на пастбище, а к ночи обратно с пастбища, она загорелась желаньем его своим любовником сделать, подарками соблазнив. И вот однажды, подстерегши его одного, она подарила ему свирель, и сотового меду, и сумку из кожи оленьей.

Но сказать ему что-либо прямо она опасалась, поняв, что любит он Хлою: заметила — к девушке льнет он. Сначала она догадалась об этом, видя взаимные приветствия их и улыбки, а потом как-то, ранним утром, мужу сказавшись, чтоб глаза отвести, будто к соседке пойдет, которой время рожать наступило, незаметно пошла она следом за ними и, спрятавшись в чаще, чтоб не было видно ее, все услышала, о чем они говорили, все увидала, что делали. Не ускользнули от взоров ее и слезы Дафниса. Пожалела она этих несчастных и, решив, что ей представился случай удобный сделать сразу два дела, — им дать от мук избавление, свое ж удовлетворить вожделение, — такую придумала хитрость.

16. На следующий день, будто опять направляясь к той же роженице, открыто идет Ликэнион к дубу, где сидели Дафнис и Хлоя, и, ловко притворившись, будто она чем-то огорчена, говорит: «Спаси, Дафнис, меня, злополучную! Из моих двадцати гусей самого лучшего

орел утащил. Но слишком тяжелую ношу он поднял, и, кверху взлетевши, не смог он ее унести на привычное место, — вон на этот высокий утес; и опустился вот здесь, в мелколесье. Ради нимф и этого Пана! Пойди ты со мною туда, — одна я идти боюсь, — спаси моего гуся, не оставь без вниманья ущерба в моем стаде. Может быть, и орла самого ты убьешь, и не будет уж он у вас без конца таскать и ягнят и козлят. Тем временем стадо твое сторожить будет Хлоя. Козы твои хорошо ее знают; ведь всегда вы вместе пасете».

17. Даже и не подозревая, что будет дальше, Дафнис тотчас встал, взял посох и следом пошел за Ликэпион. Его уведя возможно дальше от Хлои, когда они оказались в чаще густой близ ручья, она велела ему присесть и сказала: «Любишь Хлою ты, Дафнис: это узнала я ночью от нимф; явившись во сне, они мне рассказали о слезах вчерашних твоих и мне приказали спасти тебя, научивши делам любовным. А дела эти — не только поцелуи и объятия и не то, что делают козлы и бараны: другие это скачки, и много слаще они тех, что бывают у них, ведь наслаждение даруют они куда более длительное. Так вот, если хочешь избавиться от мук и испытать те радости, которых ты ищешь, то отдай себя в руки мои, радостно стань моим учеником; я же, в угоду нимфам, всему тебя научу».

18. Не в силах сдержатъ своего восторга, Дафнис, простодушный деревенский козопас, а к тому же еще влюбленный и юный, пал к ногам Ликэпион, моля возможно скорее искусству этому его обучить, которое ему поможет с Хлоей совершить то, чего ему так хочется; и, как будто готовясь постигнуть поистине нечто великое, ниспосланное ему самими богами, он обещает ей подарить упитанного козленка, нежного сыру из сливок и даже козу. Увидя в нем такое пастушеское простодушие, какого она никак не ожидала, вот как стала Ликэпион Дафниса делу любви обучать. Она приказала ему, не думая долго, сесть поближе к себе, целовать ее такими поцелуями и столько раз, как вошло у него в привычку, а целуя, обнять ее и лечь на землю. Когда юноша сел, ее поцеловал и лег с нею рядом, она, увидав, что он в силе к делу уже приступить и весь полон желанья, приподнявши его, — ведь он лежал на боку, — ловко легла под него и навела его на ту дорогу, которую он до сих пор отыскивал. А потом уже все

оказалось простым и понятным: природа сама научила всему остальному.

19. Лишь только окончился этот любовный урок, Дафнис, как истый пастух простодушный, стал порываться к Хлое бежать и тотчас же сделать с ней то, чему здесь научился, как будто боясь, что если промедлит, то все позабудет. Но Ликэнион, его удержавши, сказала: «Вот что еще нужно тебе, Дафнис, узнать. Я ведь женщина, и теперь я ничуть от всего этого не пострадала; давно уж меня всему научил мужчина другой, а в уплату взял невинность мою. Хлоя ж, когда вступит с тобой в эту битву, будет кричать, будет плакать, будет кровью облита, словно убитая. Но ты не бойся той крови, а когда убедишь ее отдаться тебе, приведи сюда: здесь, если и будет кричать, никто не услышит, если расплечется, никто не увидит, а если кровью своей замажется, в этом ручье искупается. И помни, что первая я, раньше Хлои, тебя мужчиною сделала».

20. Преподав ему указания такие, Ликэнион ушла в другую часть леса, как будто все еще продолжая гуся разыскивать. Задумался Дафнис над сказанным ею, остыл его первый порыв, стал он сомневаться, следует ли ему Хлое докучать и просить во время объятий большего, чем поцелуи. Он не хотел, чтобы кричала она, будто ее схватили враги, или чтоб плакала от боли, или кровью исходила, словно ее убивают. Новичок в любви, боялся он крови и думал, что кровь может литься только из раны. И, твердо решив наслаждаться с нею обычными ласками, вышел из лесу Дафнис. Придя туда, где Хлоя сидела, плетя из фиалок веночек, он обманул ее, сказавши, что вырвал гуся из орлиных когтей, и, крепко обняв, стал ее целовать, как целовал Ликэнион в миг наслажденья: ведь это можно было делать без опаски. Она же надела на голову Дафниса ею сплетенный веночек и кудри его целовала, ей казались они лучше фиалок. И, вынув из сумки кусок сладкой лепешки из фруктов сушеных и несколько хлебцев, дала ему есть. Когда же он ел, она у него изо рта хватала кусочки и сама, как птенчик, плотала.

21. Когда они так угощались, — а больше целовались, чем ели, — показалась лодка рыбацья, плывшая вдоль берега. Не было ветра, на

море было затишье, грести приходилось, и крепко гребли рыбаки. Они торопились доставить в город к столу одного богача рыбу живую. То, к чему прибегают всегда моряки, чтоб забыть про усталость, — прибегли к тому же, под взмахи весел, гребцы. Один из них, старшой, песни морские пел, остальные ж, как хор, все разом и в лад на голос его откликались.

Когда они пели так в море открытом, то клики их пропадали — голоса звук исчезал в воздушном просторе. Когда же, объехавши мыс, они вошли в глубокий залив, изогнутый словно месяца серп, громкие клики стали слышней, ясней стал доноситься на берег запев. Глубокая расщелина к равнине прилегала, и будто полая флейты труба, звук в себя принимая, всем голосам подражала, на все откликалась. Слышны были ясно весел удары, ясно гребцов голоса. И все это радостью было для слуха.

Сначала с моря звук долетал, а звук, на земле родившийся, на столько поздней замолкал, на сколько позднее он возникал.

22. Дафнис, которому все это было знакомо уже, вниманье свое обратил лишь на море; он любовался, смотря, как птицы быстрее корабль пролетал, минуя равнину, старался запомнить те песни, чтобы сыграть их потом на свирели. Хлоя ж тогда в первый раз услышала то, что эхом зовется. Она то на море смотрела, когда мореходы песнь запевали, то, к земле обернувшись, искала, кто же им вторит? Когда они мимо проплыли и тихо стало в расщелине, она спросила у Дафниса, нет ли за мысом другого моря и не плыл ли другой там корабль, не пели ль мореходы другие такую же песню, а потом разом все замолчали? Нежным смехом рассмеялся Дафнис, еще нежнее Хлою он целовал, а затем, увенчавши ее венком из фиалок, стал рассказывать преданье об Эхо, вперед у нее попросивши как плату за этот рассказ еще поцелуев десяток.

23. «Много, девушка, нимф различного рода живет и в ясеннике, и в дубравах, и в болотах. Все прекрасны они, все певуньи. Из них у одной была дочка Эхо; смертной была она, — так как смертным отец ее был, — и в красавицу мать красотой: нимфы ее воспитали, Музы играть на свирели, на флейте ее научили, под лиру, под кифару песни всякие петь. И, достигнув расцвета девичьей своей красоты, хороводы

водила она с нимфами, песни пела с Музами. Но всех мужчин избегала она — и людей и богов, любя свою девичью жизнь. Рассердился на девушку Пан, — песням ее он завидовал, красота же ее была для него недоступна, — и в безумие вверг пастухов, что коз пасли и овец. Как злые собаки иль волки, они ее растерзали и члены тела ее, — а все еще пело оно, — по всей разметали земле. Но песни ее нимфам в угоду скрыла Земля в лоне своем и напев сохранила; и по воле Муз подает она голос, всему подражая, как некогда девушка всем подражала: богам и людям, инструментам, зверям, — даже и Пану, когда на свирели играть он начнет. И он, услышав, вскочит и долго бежит по горам, поймать не надеясь, но только желая узнать, кто же такой этот тайный его ученик».

Такое сказанье Дафнис ей поведал, и поцелуев не только десяток Хлоя ему подарила, но без конца целовала его: ведь то же почти за ним повторяла и Эхо, словно тем подтверждая, что ни слова лжи он не сказал.

24. С каждым днем становилось солнце теплее: весна кончалась, лето начиналось. И опять у них летней порой начались новые радости. Он плавал в реках, она в ручьях купалась, он играл на свирели, соревнуясь с песней сосны. Она же в состязание с соловьями вступала. Гонялись они за болтливыми цикадами, ловили кузнечиков, собирали цветы, деревья трясли, ели плоды; бывало, нагими вместе лежали, покрывшись козьей шкурой одной. И Хлоя легко могла бы женщиной стать, когда б не смущала Дафниса мысль о крови. Однако, боясь, чтоб решенье разумное страсти порывом как-нибудь сломлено не было, не позволял он Хлое сильно себя обнажать; этому Хлоя дивилась, но спросить о причине стыдилась.

25. Этим летом у Хлои женихов было много, и отовсюду много народу ходило к Дриасу с просьбой отдать ее замуж; иные уже приносили подарки, иные ж много богатых даров обещали, если ее заполучат. Нала, прельстившись надеждой на это, хотела выдать Хлою скорей и не держать дольше в доме взрослую девушку; ведь, того и гляди (она говорила), пася свое стадо, она себя потеряет и в мужья себе пастуха возьмет за несколько яблок или роз. Лучше сделать ее госпожой в собственном доме, а самим, получивши большие подарки,

их сохранить своему родному дитяти — недавно мальчик родился у них.

Случалось, Дриасу заманчивы речи такие казались, каждый жених сулил подарки получше, чем можно бы взять за простую дочь пастуха; но иной раз он думал, что девушка стоит дороже простых женихов-землепашцев и что если она вдруг найдет своих настоящих родителей, то она и его и жену богатством осыплет; он отлагал свой ответ, время тянул со дня на день, а меж тем перепадало ему немало подарков. Хлоя, узнавши об этом, очень грустила и от Дафниса долгое время скрывала, его огорчать не желая. Когда ж он настаивать стал, спрашивая, что с нею такое, и огорчался, не получая ответа, больше, чем если бы все он узнал, она ему все рассказала: о Напы речах, торопившейся выдать замуж ее поскорее, сказала о том, что Дриас наотрез никому не отказывает, но решение свое отложил до поры, когда виноград соберут.

26. От этих рассказов Дафнис стал сам не свой и, севши, заплакал; он говорил, что умрет, если Хлоя больше не будет с ним вместе стада пасти; и не только погибнет он сам, но и овцы, лишившись пастушки такой. Затем, собравшись с мыслями, он ободрился и надеяться стал, что сумеет отца убедить, и себя уж считал в числе женихов, и надеялся, что всех он других легко победит. Одно смущало его: не был богат Ламон, и это одно делало шаткой надежду. Однако решил он посвататься, и Хлоя с ним согласилась. Ламону он об этом сказать не решился. Миртале же, набравшись храбрости, поведал о своей любви и о браке речь завел. Она ночью сказала об этом Ламону. Холодно принял он ее слова и стал ее бранить, что дочку простых пастухов сватать она захотела юноше, чьи приметные знаки счастливую судьбу сулят; ведь если найдет он своих родных, то тех, кто призрел его, он и на волю отпустит, и даст им участки земли покрупнее.

Миртала, боясь, как бы Дафнис, совсем потерявши надежду на брак, из-за любви не решился б с собой покончить, другие причины ему привела, почему возражает Ламон: «Бедны ведь мы, сынок, и нам нужно невесту с приданным побольше; они же богаты и богатых хотят себе женихов. Убеди-ка ты Хлою, а она пусть отца убедит, чтоб не требовал многого он и выдал ее за тебя. Уж, наверно, тебя она любит,

и ясно, ей больше хочется спать с бедным красавцем, чем с обезьяной богатой».

27. Не надеялась вовсе Миртала, что Дриас согласие даст, — были у него на примете женихи побогаче; она полагала, что повод отличный нашла для того, чтобы с делом о браке покончить. И Дафнис на это не мог возразить ничего; видя, что далек он от цели стремлений своих, он поступил, как поступают в несчастьях влюбленные все: плакать он стал и вновь на помощь нимф призывал. И ночью во сне явились они перед ним в том же виде, как прежде являлись, и снова заговорила старейшая: «Забота о браке твоём и Хлои — дело бога другого^[29]; дары же, которыми ты Дриаса прельстишь, дадим тебе мы. Корабль молодых метимнейцев, привязь которого некогда съели козы твои, в тот день ветер далеко унес от земли. Ночью ж, когда с моря ветер подул и стало оно бушевать, корабль выброшен был на скалы этого мыса. Сам корабль и многое из того, что было на нем, погибло; но кошелек и в нем три тысячи драхм на берег выкинула волна, там он и ныне лежит, прикрытый морской травой, рядом с трупом дельфина. Никто из прохожих к месту тому не подходит, стараясь уйти поскорей от зловонья гниющего трупа. Ты ж подойди, подойдя же, возьми и, взявши, отдай. Достаточно, если. сейчас не будут считать тебя бедняком, а потом и богатым ты станешь».

28. Так сказали они и исчезли вместе с мраком ночным. Только лишь день начался, как Дафнис вскочил, развеселый, и свистом звонким погнал своих коз на пастбище. Поцеловавши Хлою, к нимфам сходя, чтобы им поклониться, он к морю пошел, как будто омыться желая; и там по леску, у пены прибоя, бродил он, ища три тысячи драхм^[30]. Найти их немного труда ему стоило: в нос ему скоро ударил не слишком приятный запах дельфина, который был выброшен бурей на берег и гнил; и этот-то запах противный ему послужил проводником; быстро он подбежал, водоросли разгреб и кошелек нашел, полный денег. Тут же схвативши его и в сумку к себе положив, не прежде ушел он, чем нимфам и морю воздал благодарность. Хоть и был он пастух, по морю теперь считал для себя он милее, чем землю, — оно помогало ему на Хлое жениться.

29. Владельцем ставши трех тысяч драхм, он уж больше не медлил, считая себя человеком самым богатым на свете — не только что в тамошней сельской округе. К Хлое придя, ей свой сон рассказал, показал кошелек, и, поручив стада постеречь, пока он не вернется, быстрым шагом он мчится к Дриасу. Нашел он его на току молотившим вместе с Напой пшеницу и смело с ним начинает беседу о браке. «Отдай ты Хлою мне в жены: жнец я хороший, виноградные лозы могу хорошо обрезать и деревья сажать; умею и землю пахать, и по ветру веять зерно. Как я пасу стада — свидетелем Хлоя; мне дали полсотни коз, я удвоил число их; выкормил я козлов больших и красивых, а прежде мы покрывали своих коз чужими козлами. Кроме того, я молод, сосед ваш, и никто обо мне дурного не скажет; меня вскормила коза, так же как Хлою овца. Насколько других всех я лучше, настолько же и в подарках им уступать не хочу. Они ведь дадут тебе разве что коз и овец, пару паршивых быков и зерна столько, что кур не прокормишь. А от меня — вот вам три тысячи драхм. Только пускай никто об этом не знает, даже и сам отец мой, Ламон». С такими словами он отдал деньги ему и, обняв его, стал целовать.

30. Увидавши столько денег, сколько им никогда и не снилось, они тотчас же пообещали Хлою отдать за него и заверили, что Ламона добьются согласия. Напа вместе с Дафнисом продолжала работать, быков подгоняла и волочительной доской выбивала зерно из колосьев, Дриас же, спрятав кошелек туда же, где у него хранились Хлои приметные знаки, быстро пошел к Ламону с Мирталой, чтоб у них небывалое дело — сватать жениха. Застал он их за тем, что ячмень они мерили, только что перед тем провеяв его; уныние ими владело, так как было зерна едва ли не меньше, чем до посева. Стал их Дриас утешать, — на это, мол, жалобы слышны повсюду, — а затем стал просить их дать Дафниса Хлое в мужья, говоря, что хоть много ему предлагают другие, но с Ламона и Мирталы он ничего не возьмет; даже больше того, он сам им в придачу кое-что даст. Дафнис и Хлоя молоды, говорил он, выросли вместе, вместе стада пасли и такой связаны дружбой, какую не так-то легко разорвать. Да и возраст у них такой, что пора им и спать уже вместе. Вот что он говорил, да и прочего всякого много еще; ведь наградой за то, чтобы он убедил их,

получил он три тысячи драхм. Нельзя тут было Ламону сослаться ни на бедность свою, — ведь те перед ним не кичились богатством, — ни на молодость Дафниса, — был он уж юношей крепким; сказать же по правде причину, что Дафнис, по мнению его, стоит лучшей невесты, он все же никак не хотел. И вот, помолчавши немного, он так ответил Дриасу:

31. «Правильно вы поступили, соседей своих предпочтя людям чужим и богатства не ставя выше бедности честной. Пусть за это Пан и нимфы будут к вам благосклонны! Я и сам спешу устроить эту свадьбу. Ведь совсем бы я был рассудка лишен, если б я, уж старик, которому нужны в работе лишние руки, не счел бы себе за великое благо в дружбу вступить с вашим домом. Да и Хлоя — кто ее не пожелает? Красивая девушка, в самом расцвете, всем она хороша. Но ведь раб. я и ни над чем не хозяин; нужно, чтоб мой господин узнал об этом и дал согласие свое. Давай же отложим брак этот до осени. Были у нас из города люди и говорят, что к этому сроку хозяин собирается сам к нам прибыть. Тогда они станут муж и жена. Теперь же пусть они любят друг друга, как брат и сестра. Только вот что узнай, Дриас: юноши ты добиваешься, родом много нас с тобой выше». Сказавши это, он Дриаса расцеловал и выпить ему предложил, так как был самый полдень; затем он его пошел провожать, оказав ему всевозможные знаки почтения и дружбы.

32. Не пропустил Дриас мимо ушей последних слов Ламона и, домой идя, думал сам про себя: «Кто ж такой Дафнис? Его воспитала коза: значит, боги пекутся о нем. Он очень красив, ничуть не похож на Ламона, курносого, старого, и на лысую бабу его. У него оказалось сразу три тысячи драхм, а ведь столько и диких груш простой пастух не найдет у себя. Не покинули ль и его родители так же, как Хлою? Не нашел ли Ламон и его так же, как я нашел Хлою? Не было ль с ним знаков приметных, подобных тем, что найдены были и мной? О, если б так было, владыка Пан и милые нимфы! Может быть, он, отыскавши своих родных, откроет и Хлоину тайну». Так сам с собой раздумывал он, высоко в мечтах заносясь, пока до гумна не дошел. Придя же туда и видя, что Дафнис весь в ожиданье того, что услышать ему предстоит, ободрил его, назвавши зятем своим, обещал, что свадьбу

сыграют осенью. Правую руку ему протянул в знак того, что Хлоя ничьей не будет женою, кроме как Дафниса.

33. К Хлое Дафнис помчался, не пивши, не евши, быстрее, чем мысли летят. Застал он ее за работой: доила овец она и делала сыр. Ей сообщил он известье о свадьбе и после, уже не скрываясь, ее целовал, как жену, и делил с ней труды: в подойники он молоко доил, сыры в плетенках заквашивал; под маток подкладывал он и ягнят и козлят. Все хорошенько устроив, они умывались и, утоливши голод и жажду, ходили искать созревших плодов. Было много всего: эта года пора изобильна; много было груш и в лесу и в садах, много и яблок; одни уж на землю упали, другие держались на ветках — опавшие более душисты, а те, что на ветках висели, более цветисты; эти пахли вином, а те золотом ярким сверкали. На одной из яблонь все яблоки были уже собраны. Без плодов и без листьев стояла она, голыми были все ветви. Но на самой вершине ее осталось одно только яблоко, большое, прекрасное, чудным цветом своим все другие оно затмевало. Кто плоды собирал, побоялся высоко взобраться и снять его не потрудился; а может быть, чудное яблоко это как раз для влюбленного пастуха уцелело.

34. Лишь только яблоко это Дафнис увидел, как тотчас решился сорвать его с самой вершины, не слушая Хлои; и так как он ее не послушал, она, рассердившись, к стаду пошла. Дафнис же быстро на дерево влез, яблоко тотчас сорвал и подарил его Хлое; все еще сердилась она, и к ней он обратился с такими словами:

«Милая девушка! Яблоко это родили Горы^[31] прекрасные, и прекрасная яблоня воспитала его, зрелым сделало Солнце, и Судьба для меня его сохранила. Ведь глаз я не лишен, и не мог я покинуть его, чтоб на землю упало оно, чтобы стадо, пасясь, его затоптало, чтоб змея ползучая ядом своим его наплатала или чтоб со временем ссохлось оно, теперь такое прекрасное и завидное. Ведь именно яблоко было дано Афродите в награду за красоту; яблоко и тебе я дарю в знак победы твоей. Судьи ваши похожи: тот пас овец^[32], а я пасу коз».

Так сказавши, он положил ей яблоко в складки платья на грудь; когда он к ней наклонился, она его так целовала, что Дафнис ничуть

не жалел, что решился залезть так высоко: он получил поцелуй, что и золотого яблока был дороже.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Из Митилены пришел один раб, тому же хозяину принадлежавший, что и Ламон, и сообщил, что незадолго до сбора винограда хозяин хочет приехать сюда посмотреть, не нанес ли его полям какого вреда набег метимпейцев. Уже лето кончалось, и осень приближалась, и готовил Ламон своему господину такой прием, чтоб душа его радовалась. Он ручьи очищал, чтоб вода была чистая, вывез навоз со двора, чтоб тяжелый запах не раздражал хозяина, а за садом ухаживал, чтоб был он прекрасен на вид.

2. И верно, прекрасен был сад у него и на царский похож. Растянулся он на целый стадий, лежал на месте высоком, а шириною был плетра^[33] в четыре. Сравнить его можно с лугом широким. Были в нем всякого рода деревья: яблони, мирты, груши, гранаты, фиги, маслины; виноградные лозы высоко вились по грушам и яблоням, и зрелые грозди чернели, как будто с плодами соревнуясь. Такие-то были там деревья плодовые. Но были и кипарисы и лавры, платаны и сосны; на них вместо лоз виноградных плющ вился.

Большие пучки его ягод темным цветом своим были похожи па виноградные грозди. Деревья плодовые в середине сада росли, словно под чьей-то охраной. А вокруг них стояли деревья, плодов не дающие, будто стена, руками людей воздвигнутая. Все это место было терновой изгородью обнесено. Было все разделено и размерено в точном порядке, и ствол от ствола на равном был расстоянье, а наверху ветви сходились друг с другом, переплетаясь листвою. И то, что сделала природа, казалось, создано было искусством. Здесь были и грядки цветов; одни цветы рождены землею, другие — искусства творение, розы, лилии и гиацинты — дело рук человека, а первоцветы, фиалки, нарциссы растила земля сама. Летом была здесь тень, весной цветы, осенью плоды, и в каждую пору года негою наполнилось все.

3. Отсюда была хорошо равнина видна, и можно было разглядеть пастухов, пасущих стада, хорошо были видны и море и мореходы, мимо плывущие. И это тоже немало прелести саду придавало; а в

самой его середине, где длина и ширина его пополам разделялись, был Диониса храм и алтарь, ему посвященный. Плющ обвивал алтарь, а виноградные лозы — самый храм. Внутри же храма изображена была жизнь бога: Семела^[34] рождающая, Ариадна^[35] засыпающая, Ликург^[36], в цепи закованный, Пенфей^[37], на клочья растерзанный. Были тут и индийцы побежденные, и тирренцы, в рыб превращенные^[38]. И везде сатиры, точила топчущие, везде вакханки пляшущие. И Пана тут не забыли: сидел он па скале, на свирели играя, как будто под песню его и сатиры точила топтали, и вакханки плясали.

4. Таков был сад, за которым Ламон с большим стараньем ухаживал; сухие ветки он подрезал, виноградные лозы поднимал; мрамор Диониса он венками украшал; воду ручья на грядки с цветами провел; был тут ключ — его Дафнис отыскал, — чтоб цветы орошать; хоть цветам служил этот ключ, а все его звали «Дафнисов ключ». Ламон все Дафнису советовал, чтобы он как можно жирнее коз своих откормил: ведь захочет хозяин стадо посмотреть; давно уж он здесь не бывал.

Дафнис же был уверен, что за коз похвалу он получит: с тех пор как стадо стал он пасти, оно удвоилось; волк у него ни одной не стащил, и козы стали жирнее овец. Но, желая, чтобы охотней па брак его господин согласился, он к стаду старанье все приложил и заботу, выгоняя на пастбища, чуть забрезжит восток, и домой гоня поздно вечером. Дважды в день на водопой их водил он, выискивал, где в здешних местах самое лучшее пастбище; старался, чтоб чаши для молока у него были новые, подойников чтоб было побольше, а плетенки для сыра повместительней. И до того его заботливость доходила, что козам он рога маслом намазывал и шерсть им расчесывал. Можно было подумать, что видишь Пана священное стадо. С ним делила заботы о козах и Хлоя; своих овец забывая, все о козах пеклась она больше; так что Дафнис думал, что только благодаря трудам ее стали такими красивыми козы.

5. Когда они заняты были всем этим, прибыл из города еще один вестник, велел возможно скорей собирать виноград и сказал, что и сам он останется здесь, пока из гроздей виноградных не сделают молодого

вина, затем, когда сбор уже будет закончен, в город вернется и с собой привезет господина. Имя его было Эвдром^[39] — так называли его потому, что быстро бегать было делом его. Принят он был со всем возможным почетом, и тотчас стали собирать виноград, носить виноградные грозди в точила, сливать в бочки сок виноградный; самые ж зрелые грозди вместе с лозою снимали — с тем чтоб прибывшим из города казалось, будто сбор винограда воочию видят они и радости его вкушают.

6. Когда Эвдром уже собирался в город вернуться, Дафнис дал ему разных подарков не мало; подарил он ему, что пастух может дарить: твердых сыров, молодого козленка, косматую белую шкуру козы, чтоб зимою в дороге он мог бы накинуть ее на себя. Эвдром был очень доволен, расцеловал Дафниса и обещал за него замолвить перед хозяином доброе слово. Так он уходил, дружески к ним расположенный, а Дафнис, сильно тревожась, продолжал пасти стада вместе с Хлоей; да и она за него беспокоилась: подросток, привыкший видеть коз да овец, земледельцев и Хлою, — теперь в первый раз должен был увидеть господина, которого прежде по имени только он знал. Потому она волновалась за Дафниса как-то встретится он с господином? Она беспокоилась также о браке, — не напрасно ль они мечтают о нем? Между тем постоянно они целовались и крепко так обнимались, как будто хотели друг с другом срастись. Но поцелуи их были пугливы и печальны объятья, как будто прибыл уже господин и в страхе они от него скрываться должны. А в довершение всего прибавился и еще один повод для тревоги.

7. Был некто Лампис, грубый пастух, стороживший коров. Также и он Хлою сватал у Дриаса и много уже передал подарков ему, торопясь с этим браком. Поняв, что на ней женится Дафнис, если получит согласие хозяина, он придумывать стал, как бы устроить так, чтоб господин разгневался на Дафниса и Ламона. Зная, что хозяин особенно любит сад, Лампис решил, насколько возможно, обезобразить его и испортить. Но если деревья рубить, то услышат стук и поймут его; и он набросился на цветы и решил их уничтожить. Дождавшись ночи и перелезши через ограду, одни из цветов он повырывал, другие сломал, а иные ногами затоптал, как

дикий кабан. И сам незамеченным скрылся. Наутро Ламон вышел в сад, чтоб цветы полить ключевой водой; все изгаженным увидав, он понял, что это дело не грабителя, а врага, разорвал на себе хитон и, громко крича, стал богов призывать, так что Миртала, бросив то, что держала в руках, из дома выбежала, и Дафнис, покинув коз своих, прибежал. И все они, увидев, что произошло, стали криком кричать и лить горькие слезы.

8. И необычным делом могло показаться, что так они о цветах горевали. Но рыдали они, боясь гнева хозяина. Да попади сюда и чужой человек, и он бы заплакал с ними вместе. Обезображено было все место, и осталась одна только грязь. Те ж из цветов, что избегли насилия, все еще продолжали цвести, блистая яркими красками, и были прекрасны, даже на землю повергнутые; и все еще пчелы на них садились, непрерывно, упорно жужжа, словно рыдая. А Ламон, горем пораженный, промолвил: «Увы мне! Розы мои поломаны. Увы мне! Фиалки потоптаны. Увы мне! Гиацинты мои и нарциссы злодеем повырваны. Весна придет, а они не распустятся. Лето наступит, а они красоваться не будут. А осенней порой никто венков из них не сплетет. И владыка Дионис над цветами этими несчастными не сжалился! Рядом с тобою росли они, у тебя на глазах; часто я венками из них венчал тебя. Как покажу я этот сад господину?! Что с ним будет, когда он все это увидит? Велит он повесить меня, старика, на первой сосне, как Марсия; а может, со мною — и Дафниса, считая, что козы его это сделали».

9. И при этих словах заплакали они горько, и теперь уже они рыдали не об одних цветах, но и о себе самих. Рыдала и Хлоя над Дафнисом, в страхе, как бы его не повесили, и молилась богам, чтоб не приезжал господин, и тяжкие дни пережила, словно уже видела, как бичуют Дафниса. Уже ночь наступала, когда пришел к ним Эвдром известить, что старый хозяин прибудет дня через три, а сын его завтра приедет. Толковали они о том, что случилось, поделились своими страхами с Эвдромом и стали спрашивать его мнения; он, к Дафнису благосклонный, посоветовал все рассказать сперва молодому хозяину и обещал сам замолвить перед ним слово: братом молочным

ему приходясь, он был у него в чести. И когда день наступил, они так и сделали.

10. Астил прибыл верхом, и с ним парасит^[40] его, тоже верхом. У Астила был подбородок чуть опущен, а Гнатон — так звали другого — давно уж бороду брил. Ламон, Миртала и Дафнис пали к ногам Астила, прося пожалеть старика несчастного и спасти неповинного от отцовского гнева. И затем рассказали ему все по порядку. Тронули Астила эти мольбы, пошел он в сад, гибель цветов увидал и им обещал, что сам будет просить отца о прощении и вину свалит на своих коней: они-де были здесь привязаны и, разыгравшись, часть цветов поломали, часть потоптали, а потом, сорвавшись с привязи, землю копытами взрыли. За это Ламон и Миртала молили богов послать ему всяких благ, а Дафнис принес ему в дар козлят, сыров, птиц с птенчиками, виноградные грозди на лозах, яблоки на ветках. Среди этих даров было также душистое вино лесбосское^[41], на вкус из всех вин лучшее.

11. Астил подарки похвалил и отправился на охоту за зайцами; юноша был он богатый, в роскоши живший всегда; и в деревню он прибыл, чтобы новое развлечение себе доставить. Гнатон же, умевший только есть и пить до беспамятства и, напившись, похабничать, у которого только и было всего что широкая плотка, да брюхо, да то, что под брюхом, Дафниса тотчас приметил, когда тот дары подносил. По природе своей был он любителем мальчиков и, найдя красоту, какой и в городе не сыскать, решил тотчас за Дафниса приняться и надеялся легко сладиться с этим простым пастухом. Приняв такое решение, он не отправился вместе с Астилом охотиться, а пошел туда, где пас Дафнис, под предлогом, что хочет коз посмотреть, на самом же деле — на Дафниса полюбоваться. Заискивая перед ним, он хвалил его коз, просил сыграть на свирели песню пастушью и сказал, что быстро добьется для Дафниса воли — ведь он все может сделать, чего ни захочет.

12. Считая, что он уже приручил к себе Дафниса, под вечер дождался Гнатон, пока Дафнис погонит с пастбища коз. И, подбежав, сначала стал его целовать, а потом и просить, чтобы тот стал к нему

задом, так, как козы к своим козлам. Когда же Дафнис, не очень сметливый, стал говорить, что знает он хорошо, как козлы скачут на коз, но никогда не видал, чтоб козел лез на козла, или баран вместо овцы лез на барана, или петух вместо курицы петуха под себя подбирали, то Гнатон был готов, пустивши в ход руки, насилье применить. Но Гнатон был пьян и едва стоял на ногах, и Дафнис его толкнул, на землю повалил и прочь убежал, как щенок молодой, оставив его там, где он упал; и уж не мальчик, а только здоровый мужчина смог бы Гнатона, под руки взявши, домой дотащить. А Дафнис к нему никогда уже близко не подходил и пас своих коз нынче тут, а назавтра там, его избегая, а Хлою свою охраняя. Да и Гнатон больше к нему уж не лез, увидавши, что он не только красив, но и силен. Он выжидал подходящего случая поговорить с Астилом о нем и надеялся, что от юноши получит он Дафниса в подарок, — Астил его одаривал часто и щедро.

13. В то время сделать было нельзя ничего, так как прибыл Дионисофан вместе с Клеаристой; вьючные животные, рабы, мужчины и женщины, — сильный все они подняли шум. Но несколько позже составил Гпатон длинную речь о любви. Дионисофан был ростом высок, красив, уже с проседью; с любым молодым человеком мог он поспорить. Был он богат, как немногие, и благороден душой, как никто. Прибывши сюда, в первый же день он принес жертвы богам, полей покровителям, Деметре^[42], Дионису, Пану и нимфам; а всем присутствовавшим выставил он кратер вина. В следующие дни стал он осматривать плоды трудов Ламона. И видя: поля в бороздах, хорошо вспаханных, виноград в молодых ростках, а сад в полной красе — вину за гибель цветов принял Астил на себя, — он очень доволен остался, Ламона расхвалил и на волю его отпустить обещал. Затем он пошел к козьему стаду па коз посмотреть и на их пастуха.

14. Хлоя, смущенная и такую толпою напуганная, в лес убежала. А Дафнис стоял выпрямившись: густая шкура козы обвивала его бедра, на плече висела новенькая сумка, а в руках он держал — в одной свежий сыр, в другой козляток-сосунков. Если когда-нибудь Аполлон, служа Лаомедонту^[43], пас его скот, он был таким же, каким Дафнис явился в тот миг. Он ничего не сказал, но, вспыхнув

румянцем, опустил глаза и дары свои протянул. Ламон же сказал: «Господин! Вот твой новый козопас. Ты велел мне пасти полсотни коз и двух козлов. А теперь у тебя, трудами его, коз уже сотня и десять козлов. Видишь, какие они жирные, с шерстью густой, и рога у них все целые. Он приучил их музыки слушаться: по звуку свирели они делают все, что он хочет».

15. При этих словах Клеариста, бывшая тут, захотела его слова испытать и велела Дафнису так, как это он делал обычно, заиграть для коз на свирели, обещав ему за игру подарить хитон^[44], хламиду^[45] и обувь. Тогда, посадив гостей, как зрителей в театре, и ставши под буком, он вынул из сумки свирель; сперва заиграл он тихую песню — и козы все стали, головы кверху подняв; затем заиграл он песню для пастьбы — и козы стали пастись, опустивши головы; затем заиграл песню нежно-певучую, и козы сразу все улепись; но вот заиграл он пронзительный напев — и козы, как будто бы волк приближался, в лес убежали; немного спустя заиграл он призывную — и, выйдя из леса, они, сбежались к нему и у ног его собрались. Даже слуг не увидишь, чтобы так исполняли приказ господина. Все удивлялись, и больше всех Клеариста; клялась, что много подарков пришлет пастуху — такому красавцу, да к тому ж и музыканту. Потом они вернулись в дом; там они сели завтракать и от всего, что сами ели, Дафнису также много послали. Вместе с Хлоей он ел, наслаждался, пробуя хитрые кушанья городские, и крепко надеялся, что, попросив господина, он разрешение получит на свадьбу.

16. Гнатон, еще больше распалившись похотью после того, что он видел у козьего стада, и считая, что ему жизнь не в жизнь, если Дафниса он не получит, подстерег Астила, когда тот в саду гулял, и, его заведя в храм Диониса, стал целовать ему руки и ноги. Когда же Астил стал допытываться, чего ради он делает это, велел ему все рассказать и поклялся, что все сделает для него, тогда Гнатон ему говорит:

«Гибнет твой Гнатон, господин! Я, который до сих пор любил только твой стол; я, кто не раз клялся, что нет ничего прельстительнее старых вин; я, кто твоих поваров ценил выше всех митиленских отроков, — я теперь одного только Дафниса считаю прекрасным. К

самой изысканной пище я даже не прикасаюсь, сколько бы каждый день ни готовили мяса ли, рыб или медовых печений; с восторгом я, ставши козю, щипал бы траву и листья, свирель Дафниса слушая, под его надзором пасясь. Своего Гнатона спаси, любовь мою непобедимую победи, а не то, клянусь тобой, богом моим, что, взявши нож и хорошенько наевшись, убью себя перед дверью Дафниса. И уж больше не звать тебе меня Гнатончиком, как привык ты меня шутя называть».

17. Когда он заплакал и опять стал Астилу ноги целовать, юноша не устоял: от природы был он щедрым, да и с любовными муками сам был знаком; он обещал, что выпросит Дафниса у отца и возьмет его в город с собой, себе — рабом, а Гнатону — любовником. Желая, с своей стороны, его привести в настроение духа веселое, улыбаясь, стал его расспрашивать, не стыдно ль ему, что влюбился он в сына раба Ламона, что так не терпится ему возлечь с мальчиком, коз пасущим, и делал вид, что чувствует отвращение к вонь козлиной.

Гнатон же — ведь за попойками развратников он научился всякой любовной болтовне — не без ловкости вот что сказал о себе и о Дафнисе: «Ни одному влюбленному, господин, до этого дела нет: в каком бы виде он ни нашел красоту, он попадает к пей в плен; потому-то и влюбляются в дерево, в реку и в дикого зверя. Впрочем, кто не пожалеет влюбленного, которому надо бояться любимого? Вот и я люблю тело раба, но красоту — свободного. Разве не видишь, что кудри его, как гиацинт, из-под бровей глаза его блещут, как в оправе из золота драгоценные камни? Все лицо его румянец заливаает, а рот полон зубов, белых, как слоновая кость. И какой влюбленный не мечтал бы получить с таких уст белоснежный поцелуй любви? А если влюбился я в того, кто стадо пасет, то в этом я богам подражаю: пастухом был Анхиз^[46], а им Афродита овладела; пас коз Бранх^[47], а его полюбил Аполлон; был пастушкой Ганимед^[48], а его владыка всех богов похитил. Не будем же и мы презирать мальчика, которому даже козы, как видели мы, повинуются, будто влюбленные. Воздадим благодарность орлам Зевса за то, что они такому красавцу еще жить на земле дозволяют».

18. Весело рассмеялся Астил, особенно над заключением этой речи, и, сказав, что Эрот хоть кого сделает великим софистом, стал выжидать удобного случая, когда бы он смог с отцом поговорить о Дафнисе. Но тайно услышал Эвдром все, что было говорено, и, любя Дафниса, которого славным юношей считал, и негодуя на то, что красота его поругана будет Гнатоном, все это тотчас передал он Дафнису и Ламону. Дафнис, потрясенный, уже думал с Хлоей вместе решиться бежать иль с собою покончить, и в этом к судьбе своей ее приобщив.

Но Ламон, вызвав Мирталу из дому, сказал ей: «Конец нам, жена! Пришло время раскрыть тайну. Пропали козы мои, да и все прочее. Но Паном клянусь и нимфами, даже если мне, как говорится, быть быком в стойле предстоит, все же не смолчу о том, какова судьба Дафниса, а расскажу, как нашел я его покинутым, как был он вскормлен, и покажу, что при нем нашел я. Пусть же узнает этот грязный Гнатон, кто таков он сам и кого посмел полюбить. Вынь-ка только мне эти приметные знаки — чтоб были они у меня под рукой».

19. Так порешивши, они опять в дом возвратились. Астил же, заметив, что отец ничем не занят, быстро к нему подошел и попросил позволения Дафниса в город с собой увезти, говоря, что он очень красив, много лучше тех, что в деревне живут, и что в короткое время Гнатон сможет его научить городские работы все выполнять. Отец охотно дает ему разрешение и велит послать за Ламоном с Мирталой; желая обрадовать их, он им сообщает, что в дальнейшем Дафнис ухаживать будет вместо коз иль козлов за Астилом, а Ламону обещает взамен Дафниса дать двух пастухов.

И вот, когда все слуги сбежались, довольные тем, что сотоварищем по рабству будут иметь такого красавца, Ламон, попросив себе слова, начал так говорить: «Выслушай, о господин, от меня, старика, правдивый рассказ; Паном и нимфами тебе я клянусь, что не скажу ни слова ложного. Дафнису я не отец, не дано было счастья Миртале матерью стать. Другие родители его покинули, имея, наверное, уже более взрослых детей и новых иметь не желая; я же нашел его покинутым и моей козой вскормленным; и когда она умерла, около сада ее я зарыл, — любил я ее за то, что она была ему матерью. Я нашел и приметные знаки, с ним рядом положенные, — в

этом я, господин, теперь признаюсь, — и их у себя сохраняю; эти знаки — знаки судьбы более высокой, чем наша. Чтоб Астилу был он рабом, — делом недостойным это я не считаю: красивому и доброму господину красивый слуга. Но чтоб забавой для Гнатона он стал, — этого я снести не могу; ведь он старается его увезти в Митилену, чтоб чем-то вроде женщины сделать».

20. Сказавши все это, Ламон замолчал и залился слезами; когда же Гнатон стал его оскорблять и грозился избить, Дионисофан, пораженный рассказом, гневно нахмурившись, велел Гнатону молчать, а Ламона снова начал расспрашивать, велел говорить одну только правду и небылиц не выдумывать, чтобы сына при себе удержать. Но Ламон стоял на своем, клялся всеми богами и отдавал себя на пытку любую, если он лжет. Тогда Дионисофан, обращаясь к бывшей тут Клеаристе, стал раздумывать над тем, что сказал Ламон: «Зачем бы Ламону лгать, раз он мог взамен получить одного или двух пастухов? Да и как простой поселянин такой хитрый рассказ мог бы выдумать? Разве сразу же не показалось странным, что у него, старика, и у матери очень невзрачной такой красавец сын родился?»

21. И решили они больше уже не гадать, но тотчас рассмотреть приметные знаки, правда ль, что это — знаки более славной, блестящей судьбы. Миртала пошла, чтобы все принести, что в старой сумке она берегла. Когда она их принесла, Дионисофан первым стал рассматривать их, и, увидав рубашонку пурпурную, золотую чеканную пряжку, ножик с ручкой из кости слоновой, он громко воскликнул: «Владыка Зевс!» — и тотчас жену он зовет, чтоб она посмотрела; она же, увидев, вскрикнула: «О, Мойры благие! Не те ли это вещи, что мы положили с нашим покинутым сыном? Не в эти ли места послали мы Софросину его отнести! Да, это не другие какие знаки, а те самые! Милый мой муж, это — наше дитя: Дафнис — твой сын, и пас он отцовских коз!»

22. Пока она еще говорила, а Дионисофан целовал приметные знаки и от избытка радости плакал, Астил, поняв, что он Дафнису брат, кинулся, сбросивши плащ, бежать через сад, первым желая Дафниса расцеловать. А Дафнис, увидев, что бежит он, а за ним целая

толпа, и кричит: «Дафнис!» — подумал, что он хочет его схватить, бросил сумку свою и свирель и помчался к берегу моря, чтоб кинуться вниз с утеса высокого; и было бы вовсе странным судьбы решенье, если бы, только что обретенный, Дафнис погиб. Но понял Астил, что хочет он сделать, и вновь закричал: «Стой, Дафнис! Не бойся ты ничего; я тебе брат, а родители те, кто были до этого дня господами твоими. Сейчас нам Ламон рассказал о козе и приметные знаки твои показал; обернись, посмотри: веселые, с радостным смехом идут все сюда. Но первым меня поцелуй. Нимфами я клянусь, что не лгу».

23. Насилу удалось Дафниса клятвой такой удержать; остановившись, ожидал он Астила бегущего, а когда тот подбежал, он его обнял, целуя; и, пока он его целовал, примчалась вся остальная толпа, и служанки, и слуги, подошел сам отец, а с ним и мать. Все стали его обнимать, целовать, плача от радости. А он ласков был к отцу, и к матери более, чем ко всем другим; и как будто их знал он уже давно, к их груди прижимался он и объятий их покидать не хотел: так быстро заставляет поверить себе голос природы. На короткое время даже Хлою забыл он. И, вернувшись в дом, он надел дорогую одежду, и, севши рядом с родным отцом, от него услышал он такой рассказ:

24. «Очень рано женился я, дети, и вскоре стал я, как думал, счастливым отцом. Первым сын родился у меня, затем дочь, и третьим Астил. И подумал я, что довольно уже детей у меня, и ребенка пот этого, последним на свет появившегося, я решился покинуть, положивши с ним эти вот вещи, — не как приметные знаки, а скорей как дары погребальные. Но судьба решила иначе. Старший сын мой и дочь в один день погибли от одной и той же болезни; тебя же мне промысл богов сохранил, чтоб была у нас не одна в старости опора. Не суди меня строго за то, что тебя я покинул; не с легким я сердцем решился на это; а ты, Астил, не печалься, что лишь половину получишь, не все мое состоянье. Для людей благоразумных нет приобретения лучше, чем брат; любите друг друга, а что касается богатства, то с царями поспорить вы можете. Много земли я вам оставлю, много искусных рабов, золота, серебра, много другого всего,

что есть у богатых людей; вот только особо Дафнису это поместье я отдаю вместе с Ламоном, Мирталой и теми козами, которых он пас».

25. Когда он еще говорил, Дафнис, вскочивши, сказал:

«Вовремя ты мне напомнил, отец, я сейчас пойду отвести коз к водопою: они теперь хотят пить и ждут свирели моей, а я все еще тут сижу». Весело все засмеялись — став господином, он все еще хочет быть козопасом. Послали другого о козах позаботиться, а сами, жертву принесши Зевсу-спасителю, для всех устроили пир. На этот пир не пришел один лишь Гнатон, но, полный страха, провел он в храме Диониса день весь и ночь, бога моля о защите. Быстро по всей округе молва разнеслась, что Дионисофан нашел сына, что Дафнис-козопас оказался владельцем здешних мест; и с самого утра все отовсюду стали сбегаться, за юношу радуясь, отцу дары принося. В числе их первым был Дриас, который вырастил Хлою.

26. Дионисофан всех оставлял у себя, приглашая свидетелей этого счастливого события принять также участие и в празднике. Заготовлено было много вина, много хлеба, болотных птиц, поросенок молочных, разного рода печений медовых. Принесены были жертвы обильные местным богам. Тут Дафнис, собрав все свое достоянье пастушье, богам его посвятил. Дионису он посвятил сумку и козью шкуру; Папу — свирель и флейту кривую; нимфам же — посох свой и подойники: сам он их сделал. Все свое, привычное, — насколько милее оно неведомого еще богатства! И вот, расставаясь с каждой из своих вещей, Дафнис горько плакал; посвятил он свои подойники не раньше, чем в последний раз подоил, и козью шкуру свою в последний раз надел на себя, и на свирели своей, перед тем как посвятить ее, песню сыграл; все эти вещи он перецеловал, попрощался с своими козами и козла каждого по имени назвал. И попил он из ручья того, из которого часто пил вместе с Хлоей. В любви же своей признаться он еще не решался, удобного случая выжидая.

27. В то время как Дафнис жертвы богам приносил, вот что с Хлоей случилось. Сидела одна она, конечно плакала, пася своих овец, и говорила: «Забыл меня Дафнис! Мечтает он о богатых невестах. Зачем я велела ему вместо нимф клясться козами? Он покинул их так

же, как покинул и Хлою. Даже когда приносил он жертву Пану и нимфам, не пожелал он Хлою увидеть. Наверно, нашел он у матери лучших прислужниц, чем я. Пусть будет он счастлив! А мне больше не жить».

28. Вот что она говорила, вот что замышляла. А в это время пастух Лампис, пасший коров, явился сюда с кучкой поселян и похитил ее, думая, что Дафнис на ней теперь УЖ не женится и что Дриас будет к нему, Лампису, благосклонен. С жалобным криком шла она следом за ним. Кто-то из тех, кто это видел, дал знать Напе, а та Дриасу. Дриас же Дафнису. Он чуть с ума не сошел: и сказать отцу не осмеливаясь и сил не имея горя вынести, он ушел в сад, громко стонал и так говорил: «Горе мне, что узнали меня! Насколько же лучше было мне пастухом оставаться! Насколько счастливее был я, пока был рабом! Тогда я на Хлою смотрел, тогда... *(Текст в рукописях испорчен.)*

Теперь же Лампис похитил ее и уводит с собой; а наступит ночь, и он ляжет с ней. Я же пью, наслаждаюсь; и напрасно я Паном, и козами, и нимфами клялся».

29. Эти речи Дафниса услышал Гнатон, в парке скрывавшийся; решив, что сейчас случай удобный ему представляется с Дафнисом вновь помириться, взял он с собой нескольких молодых слуг Астила, кинулся следом за Дриасом и, велев ему указывать путь к жилищу Ламписа, бросился бегом в погоню; захватил он его как раз, когда он вводил Хлою в свой дом; из рук у пего вырвал он девушку, а бывших с ним поселян крепко избил. Он хотел связать Ламписа и увести его с собой словно пленника, на войне захваченного, но тот успел убежать. Дионисофана застал он уже спящим, а Дафнис, глаз не сомкнув, все еще плакал в саду. Он приводит Хлою к нему, ее отдает ему и рассказывает все как было; просит зла не помнить, а его, Гнатона, к себе взять небесполезным рабом, не лишать своего стола, без которого он умрет с голоду.

Хлою свою увидав и держа ее в объятиях своих, Дафнис с ним примирился, ведь столь большую ему оказал он услугу, — а ее умолял простить за его невнимание.

30. Между собой посоветовавшись, они решили свои мысли о свадьбе пока скрывать, спрятать Хлою здесь где-нибудь и признаться в своей любви только матери. Но не был с этим согласен Дриас; он требовал, чтоб обо всем сказали отцу, и обещал, что сумеет его убедить дать согласие. Когда день наступил, он, неся в сумке Хлои приметные знаки, пришел к Дионисофану и Клеаристе, сидевшим в саду. Тут же был и Астил и Дафнис. Когда водворилось молчанье, начал он так говорить:

«Такая ж нужда, как и у Ламона, заставляет меня говорить о том, что до сих пор я тайно хранил; эту Хлою не я родил, не я и вскормил; родили ее другие, а овца ее, в пещере нимф лежавшую, вскормила. Видел я это сам, увидав, изумился, а изумившись, воспитал. Свидетелем мне и ее красота, — она ведь ни в чем на нас не похожа; свидетели — и приметные знаки, слишком дорогие для пастухов. Взгляните на них и родных для этой девушки найдите; может быть, и окажется она Дафниса достойной».

31. И Дриас не без умысла сказал эти слова, и Дионисофан, их услышав, без внимания не оставил; но, взглянув на Дафниса, видя, как он побледнел и тайком утирает слезы, сразу догадался о его любви; и, конечно, больше заботясь о сыне своем родном, чем о чужой ему девушке, со всем тщанием стал Дриаса слова проверять. Когда же он увидал и приметные знаки — Дриас их с собою принес, — золоченые туфельки, браслеты, головную повязку, то, позвав к себе Хлою, велел ей духом не падать, говоря, что муж у нее уже есть, а скоро она найдет и отца с матерью. И Клеариста, принявши ее, стала ее украшать, будто жену сына, а Дионисофан, оставив с собою Дафниса с глазу на глаз, спросил его, Хлоя осталась ли девушкой? И когда Дафнис клятвенно заверил его, что, кроме поцелуев и клятв верности, ничего между ними не было, Дионисофан посмеялся над их страшными клятвами и возлечь за столом им велел.

32. И тут-то можно было понять, что такое красота, если ее приукрасить. Богато одетая, с волосами, красиво причесанными, с умытым лицом, Хлоя всем показалась настолько красивее, чем прежде, что даже сам Дафнис едва узнал ее. И всякий, даже и без знаков приметных, поклялся бы, что отцом ей не был Дриас. Тем не

менее, вместе с другими, был и он с Напою на пиру, и пировали они, возлежа вместе с Ламоном и Мирталой. И вновь в последующие дни жертвы приносились, и чаши на стол ставились с вином; в свою очередь, Хлоя богам посвятила вещи свои — свирель, сумку, шкуру овечью, подойники; совершила она вином возлиянье ручью тому, что в пещере, — ведь рядом с ним была она вскормлена и часто в нем омывалась. И венками она убрала могилу овцы, что вскормила ее, — место Дриас указал. И сыграла она на свирели своим овечкам, а сыгравши, помолилась богиням, чтоб найти ей тех, кто покинул ее, и чтоб достойны оказались они брака ее с Дафнисом.

33. Когда довольно уже насладились они праздниками сельскими, решили в город вернуться, начать родителей Хлои там разыскивать и с браком не медлить. Утром, собравшись в дорогу, они подарили Дриасу другие три тысячи драхм, Ламону же дали половину с полей и виноградников, отдали коз вместе с козопасами, подарили четыре упряжки быков, одежды на зиму и дали свободу ему и жене. После чего они с большой пышностью, кто верхом, а кто в колесницах, вернулись к себе в Митилену. Тогда прибытия их граждане не заметили, потому что приехали они ночью. Когда же день наступил, собралась у них дома большая толпа мужчин и женщин. Мужчины поздравляли Дионисофана, что сына нашел он, и еще горячее поздравлять стали, когда увидели красоту Дафниса; женщины же радовались вместе с Клеаристой, что сразу и сына с собой привезла она и невестку. Поразила Хлоя их своей красотой несравненной: весь город пришел в смятение из-за юноши с девушкой, уже сулили им счастливый брак и желали, чтоб родителей Хлоя нашла, достойных ее красоты, и многие очень богатые женщины молились богам, чтобы признаны были они матерями такой красавицы дочери.

34. Вот какой сон увидел Дионисофан, когда, после долгих размышлений, он крепко заснул. Привиделось ему, будто нимфы просят Эроса, чтоб устроил он наконец брак Дафниса с Хлоей, и будто, ослабив свой лук и колчан отложив, приказал он Дионисофану на пир пригласить всех знатнейших граждан Митилены и, когда наполнена будет последняя чаша, тогда показать каждому гостю Хлои

приметные знаки, а затем спеть свадебный гимн. Увидев такой сон, услышав такой приказ, Дионисофан, вставши утром, велит роскошный пир приготовить, ничего не жалея из того, что земля производит, моря, болота и реки; и на пир приглашает граждан Митилены виднейших. Когда же ночь наступила и была наполнена чаша, из коей обычно творят возлиянье Гермесу, один из слуг на серебряном блюде принес приметные знаки и, обходя гостей слева направо, всем их показывать стал.

35. Никто не признал их, только Мегакл, возлежавший на верхнем конце стола, — ибо был он стар, — как только их увидел, узнал и громко, словно помолодев, воскликнул: «Что такое я вижу? Что-то с тобой случилось, дочка моя? Неужели и сама ты цела или только вещи эти случайно какой-то пастух унес? Умоляю тебя, Дионисофан, скажи мне, откуда попали к тебе приметные знаки дочки моей? Не будь завистлив и, сам найдя Дафниса, дай и мне что-то найти!» Тогда Дионисофан предложил ему сперва рассказать, как он покинул ребенка, и Мегакл все так же громко рассказывать стал: «Беден я был в прежнее время; все, что имел, я истратил тогда на устройство празднеств народу, на постройку военных судов^[49]. Так было дело, когда дочка у меня родилась. Боясь воспитать ее в бедности, я покинул ее, украсив этими знаками приметными: ведь знал я, что многие хотя бы и так стать отцами желают. И вот я покинул ребенка в пещере нимф, богиням его поручив. Ко мне с той поры что ни день, то богатство плыло, а наследника у меня уже не было. Не пришлось мне стать снова отцом хотя бы дочки другой; а боги, как будто смеясь надо мной, по ночам посылали мне сны, возвещая, что снова отцом овца меня сделает».

36. Громко вскрикнул Дионисофан, еще громче Мегакла; вскочил он с ложа и ввел сюда Хлою в чудесном наряде. И сказал: «Это вот дитя покинул ты, Мегакл! Эту девушку промыслом богинь вскормила тебе овца, как коза вскормила мне Дафниса. Возьми же себе свои приметные знаки и дочь; а взявши, отдай ее в жены Дафнису. Обоих мы покинули, обоих мы нашли, об обоих заботились Пан и нимфы с Эротом». Одобрил Мегакл его речи, послал за женой своей Родой и прижал к груди Хлою. Ночевать они остались здесь — Дафнис

покаялся, что теперь уж ни с кем не отпустит он Хлою, даже с родным ее отцом.

37. С наступлением дня они, договорившись между собой, снова вернулись в деревню: очень уж об этом просили Дафнис и Хлоя — не могли они вынести жизни в городе. И родители их решили устроить им свадьбу пастушью. Прибывши к Ламону, они привели Дриаса к Мегаклу, а Роду с Напой познакомили и стали готовиться к пышному празднеству. И здесь вновь нимфам поручил Хлою отец, и в числе многих других приношений он посвятил им ее приметные знаки, а Дриасу добавил, чего ему не хватало до десяти тысяч драхм.

38. Чудесная стояла погода, и Дионисофан велел устроить ложа для пира из зеленой листвы тут же, перед пещерой, и, пригласив на пир всех окрестных поселян, роскошно их угостил. Были тут Ламон и Миртала, Дриас и Напа, родные Доркона, Филет и его сыновья, Хромис и Ликэнион; был тут даже и Лампис, получивший прощение. И все было здесь так, как бывает на подобных пирах, по-простому, по-деревенскому.

Один пел, как поют жнецы, другой отпускал зазорные шутки, словно давил виноград на точилах; Филет играл на свирели, Лампис на флейте, Дриас с Ламоном плясали, Дафнис и Хлоя целовались; а козы здесь же рядом паслись, словно и они принимали участие в празднестве. Гостям городским это не очень-то нравилось, зато Дафнис иных коз звал по имени, давал им зеленые ветки и, схватив за рога, целовал.

39. И так они проводили время не только в тот день, — большую часть своей жизни они прожили по-пастушески: чтили богов — нимф, Пана и Эрота; приобрели большие стада овец и коз и самой вкусной пищей считали плоды с молоком. Когда сын родился у них, они дали его вскормить козе, а когда второй ребенок, дочь родилась, они подложили ее к сосцам овцы. И сына они называли Филопеменом^[50], а дочку Агелой^[51]. Так они и прожили по-пастушески до старости, пещеру украсили, картины поставили там и воздвигли алтарь в честь Эрота Пастыря, а для Пана устроили жилище не под сосной, а в храме и называли тот храм храмом Пана Воителя.

40. Но все это они устроили и такие названия дали после. А в тот день, с наступлением сумерек, все проводили их до комнаты брачной, на свирелях, на флейтах играя, неся перед ними огромные факелы. Когда же провожатые к дверям приблизились, запели они голосами скрипучими, грубыми, будто вилами землю дробили, а не брачную песнь пели.

А Дафнис и Хлоя легли на ложе нагие, друг друга обняли, целовались и бессонную ночь провели, — меньше спали, чем совы ночные. И все совершил Дафнис, чему научила его Ликэнион. И лишь тогда впервые поняла Хлоя, что все, чем в лесу они занимались, были всего только шутки пастушьи.

notes

Примечания

1

Лесбос — большой остров в Эгейском море у берегов Малой Азии.

Нимфы — богини, олицетворяющие силы природы и обитающие в горах (ореады), в лесах (дриады), в реках (наяды) и т. д.

Эрот — бог любви, сын Афродиты; изображался в виде крылатого мальчика с луком и стрелами, которыми он ранит сердца.

Пан — сын Гермеса и Пенелопы, бог лесов и пастбищ, покровитель пастухов; его обычно изображали в виде бородатого мужчины с козлиными ногами и рожками. Пан изобрел свирель. Статуи Пана встречались возле пастбищ в рощах, и местное население приносило ему бескровные жертвы, чаще всего молоко, мед, фрукты.

Митилена — большой город на острове Лесбос.

6

...стадиях так в двухстах... — то есть примерно в 37 километрах.

Дафнис — имя мифического сицилийского пастуха, поклявшегося не знать любви и умершего от неутоленной страсти к нимфе Наиде; по другому варианту мифа, он изменил своей невесте и был поражен слепотой.

Лежали тут и подойники... — Пастухи, почему-либо оставлявшие свое занятие, посвящали нимфам и Пану свои подойники, посоли, сумки и свирели. Богам посвящались также вещи, принадлежавшие умершим пастухам.

Хлоя — Это имя не встречается ни у Феокрита, ни у кого-либо другого из известных нам буколических поэтов; несколько раз оно употреблено Горацием как имя гречанок-гетер. «Пастушеским» оно, очевидно, считалось потому, что существительное «хлоэ» означало «свежую зелень, молодые побеги».

...шкуру лани, одежду вакханок. — Вакханки-женщины, сопровождавшие Диониса-Вакха, бога вина и веселья, и впадавшие в «священное безумие»; их изображали полураздетыми, с накинутой на плечи или бедра шкурой диких животных и с жезлом (тирсом), увитым виноградом, в руках.

...меня, как и Зевса, вскормила коза.- Зевс был сыном Кроноса, пожиравшего своих детей; мать Зевса, Рея, спасла его и спрятала на острове Крит, на горе Иде, где нимфы вскормили его молоком козы Амалтеи.

Сатиры — лесные козлоногие божества, спутники Диониса.

...друг в друга яблоки бросали... — Яблоко-символ любви; юноша бросал понравившейся ему девушке яблоко в складки платья на груди.

Пития — девушка, которую любил Пан, превращенная в сосну; олицетворение сосны (по-гречески «питюс»), посвященной Пану.

Тирийские пираты — мореходы-финикийцы, гроза берегов Эгейского моря.

Карийское судно. — Кария — прибрежная область в южной части Малой Азии, славившаяся искусными судостроителями.

...мальчика... более ценного, чем всё... — Пираты были в то же время и работорговцами.

Боспор — буквально «Переход быков» (ср. московское название «Коровий брод»).

Схоронивши Доркона, оmyвает Дафниса Хляя... — После похорон все участвовавшие должны были произвести омовение, чтобы очиститься от прикосновения к мертвому толу.

Точило — устройство для выжимания сока из винограда.

...я Кроноса старше... — Слова Эроса символизируют вечность любви; он сильнее всех богов.

Метимна — город на Лесбосе.

...метимнейцы... явились с мольбой. — Просящие о помощи приносили ветвь маслины или лавра, обвитую шерстью, и клали ее в храме перед изображением божества, от которого ждали помощи, либо в народном собрании перед старейшинами.

...корабль же вождя вел дельфин... — Еще древние греки считали дельфина разумным существом, дружелюбно относящимся к людям.

Сиринга.- Миф о ней связан с греческим названием свирели — «сюринкс». Свирель — излюбленный музыкальный инструмент пастухов, символ пастушеской жизни; свирели бывали из 5, 7, 9 и 11 трубок. Феокриту приписывается так называемое «фигурное» стихотворение «Свирель», состоящее из 11 постепенно уменьшающихся двустиший.

...зловещие птицы... — По греческому поверию, некоторые птицы, например орел, предвещали удачу и славу, другие — неудачу и беды; здесь о зловещих птицах говорится в шутовском тоне.

...восхвалив Иакха и восклицая: «Эвоз!» — Иакх-древнее аттическое божество, отождествленное с Дионисом. «Эвоз!» — обычный возглас на празднествах Диониса Вакха.

Песнь об Итисе.- Миф рассказывает, что Прокна, жена фракийского царя Терей, родила сына Итиса; Терей изменил Прокне с ее сестрой Филомелой, которой он вырезал язык, чтобы та не могла рассказать сестре о его измене, но Филомела выткала ковер с картиной, изображающей поступок царя. Обе сестры, чтобы отомстить Терее, убили Итиса и, спасаясь от преследования, умолили Зевса превратить их в птиц; они были превращены в соловья и ласточку, которые каждую весну плачут об убитом Итисе; Терей был превращен в удода (по другому варианту мифа — в ястреба).

Забота о браке... дело бога другого... — то есть Эроса.

Драхма — древнегреческая серебряная монета. Находка Дафниса, 3000 драхм, составляет значительную сумму для крестьянина.

Горы — богини времен года, помощницы Зевса, управляющие вращением неба и круговоротом времен.

...тот нас овец... — Имеется в виду Парис, признавший самой прекрасной из богинь Афродиту.

Плетр — одна шестая стадия, то есть 31 метр.

Семела.- возлюбленная Зевса; дочь фиванского царя Кадма, родившая от Зевса Диониса. Супруга Зевса Гера, решив отомстить Семеле, посоветовала ей попросить Зевса, чтобы он явился перед ней во всем своем величии бога. Зевс, чтобы доказать Семеле свою любовь, послушался ее, но когда он предстал перед нею в сверкании молний, они испепелили смертную Семелу. Семелу испепелила молния, но Зевс спас еще не родившегося Диониса и отдал его на воспитание нимфам и Гермесу. Знаменитая статуя Праксителя изображает Гермеса, держащего младенца Диониса на руках.

Ариадна — дочь критского царя Миноса; помогла Тесею убить чудовище Минотавра, бежала с ним, но была покинута им на острове Наксосе во время сна; там ее нашел Дионис и женился на ней.

Ликург — фракийский царь, враг Диониса, не допускаявший празднования вакханалий и наказанный за это Дионисом.

Пенфей — молодой фиванский царь; за то, что он запретил празднование вакханалий, Дионис поверг в вакхическое безумие его мать, которая приняла своего сына за дикого зверя и вместе с другими вакханками растерзала его.

...и индийцы побежденные, и тирренцы, в рыб превращенные.-
Мифы о Дионисе рассказывают о триумфальном походе бога на Восток и о том, как ему покорилась даже далекая Индия. В рыб были превращены моряки-пираты, задумавшие схватить и продать в рабство Диониса, который, в образе прекрасного юноши, переправлялся на их корабле через Эгейское море. Тиррения, или Этрурия, — область в Италии.

Эвдром.- Это греческое имя можно перевести как «Прекрасно бегающий».

Парасит — прихлебатель. Около богатых людей устраивалось много бездельников, желавших жить на чужой счет и забавлявших своего хозяина. Имя парасита у Лонга характеризует своего носителя: «Гнатон» — производное от «гнатос» — плотка. Имя «Астил» (от «астю» — город) характеризует юношу как избалованного горожанина.

Лесбосское вино — славилось своим ароматом и сладостью.

Деметра — богиня-покровительница земледельцев; ей был посвящен праздник урожая; ее изображали со снопом колосьев в руках.

Лаомедонт — царь Трои, отец Приама; Аполлон некоторое время служил у него пастухом в наказание за убийство.

Хитон — узкая рубашка без рукавов, надевавшаяся прямо на тело и подпоясывавшаяся на бедрах; хитоны бывали короткие — до колен — или длинные (ионийские — до щиколотки).

Хламида — широкий плащ, его накидывали поверх хитона.

Анхиз — малоазийский царь, родственник Приама; однажды, когда он пас свое стадо, его увидела Афродита и влюбилась в него; сыном Афродиты и Анхиза был Эней.

Бранх — любимец (по другим мифам, сын) Аполлона, даровавшего ему искусство предсказывать будущее.

Ганимед — прекраснейший из смертных, Фригийский (троянский) царевич; он был похищен Зевсом, обратившимся в орла, и стал виночерпием Зевса.

...на устройство празднеств народу, на постройку военных судов.- Имеются в виду хорегия и триерархия — почетные обязанности, возлагавшиеся на богатых граждан и нередко доводившие их до разорения: хорег должен был на свои средства нанять, одеть и обучить хор к празднествам, а триерарх — снарядить военный корабль, нанять гребцов, кормить и одевать их.

Филомен — по-гречески «Любящий пастухов».

Агела (Агеле) — по-гречески «Стадо».